

ISSN: 2949-284X

IP: ТЕОРИЯ

Сетевой
научный журнал

И ПРАКТИКА

№ 2 (10). 2025

Журнал ВАК
«Копирайт»

Журнал РГАИС
«Альманах»

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Григорьева А.Д. Охрана прав на музыкальные произведения, создаваемые и используемые в ходе подготовки кадров для креативных индустрий в организациях сферы культуры 3 - 13

ЭКОНОМИКА

Васильева Ю.С., Блохин Е.Ю. Становление и экономическое состояние креативных индустрий в государствах-членах ЕАЭС 14 - 27

ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИЙ

Волков А.Т., Воронов В.С. Платформы патентных операций: новые игроки на рынке интеллектуальной собственности Китая 28 - 40

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Сергеева Н.Ю. Звуковой товарный знак в контексте отдельных международных актов и фундаментальных нематериальных благ 41 - 53

Трибуна молодых ученых

Зверев М.О. Интерактивность как квалифицирующий признак мультимедийного произведения 54 - 60

Арзамасцева А.И. Опыт и перспективы борьбы с патентными троллями 61 - 69

Степанов П.Н. Сравнительно-правовой анализ защиты авторских и смежных прав в России и ОАЭ 70 - 78

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 347.78; 008.009

Охрана прав на музыкальные произведения, создаваемые и используемые в ходе подготовки кадров для креативных индустрий в организациях сферы культуры

Анна Дмитриевна Григорьева,

Российская академия музыки имени Гнесиных, Москва, Россия

Доцент

Аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности

annagrigorieva@bk.ru

<https://orcid.org/0009-0009-8632-2345>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы охраны интеллектуальных прав на музыкальные произведения, создаваемые и используемые в процессе подготовки кадров для креативных индустрий в организациях сферы культуры. Акцентируется внимание на роли музыкального искусства в реализации государственной культурной политики Российской Федерации, формировании духовно-нравственного фундамента общества и развитии креативной экономики. Особое внимание уделено правовым аспектам создания, использования и распространения музыкальных произведений, вопросам соавторства, правового режима коллективного творчества обучающихся и педагогических работников. Выявлены проблемы действующего законодательства, предложены меры по его совершенствованию в целях обеспечения баланса интересов авторов, исполнителей, образовательных организаций, общества.

Ключевые слова: государственная культурная политика; музыкальное искусство; интеллектуальная собственность; авторское право; креативные индустрии; образовательный процесс; коллективное творчество; музыкальные произведения; свободное использование; правовое регулирование.

Для цитирования: Григорьева А.Д. Охрана прав на музыкальные произведения, создаваемые и используемые в ходе подготовки кадров для креативных индустрий в организациях сферы культуры / А.Д. Григорьева // IP: теория и практика. 2025. № 2 (10).

Original article

Protection of rights to musical works created and used in the course of training for the creative industries in cultural organisations

Anna D. Grigorieva,

Gnesin Russian Academy of Music, Moscow, Russia

Associate professor

Postgraduate student of Russian State Academy of Intellectual Property

annagrigorieva@bk.ru

<https://orcid.org/0009-0009-8632-2345>

Abstract. The article deals with the issues of intellectual property protection for musical works created and used in the process of training for creative industries in cultural organisations. The article focuses on the role of musical art in the implementation of the state cultural policy of the Russian Federation, the formation of the spiritual and moral foundation of society and the development of creative economy. Special attention is paid to the legal aspects of creation, use and distribution of musical works, the issues of co-authorship, the legal regime of collective creativity of students and teaching staff. The problems of the current legislation are identified, and measures to improve it in order to balance the interests of authors, performers, educational organisations and society are proposed.

Key words: state cultural policy; musical art; intellectual property; copyright; creative industries; educational process; collective creativity; musical works; free use; legal regulation.

For citation: Grigorieva A.D. Protection of rights to musical works created and used in the course of training for the creative industries in cultural organisations // IP: theory and practice. 2025. No. 2 (10).

Введение

Одними из ключевых направлений реализации государственной культурной политики Российской Федерации являются формирование прочного духовно-нравственного фундамента общества, обеспечение защиты культурного суверенитета страны, а также сохранение и продвижение традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В числе государственных приоритетов – развитие инфраструктуры культуры, повышение ее доступности для всех категорий граждан и создание условий для реализации их прав на участие в культурной жизни и творческую самореализацию.

Важное значение в этом процессе придается работе с подрастающим поколением, а также подготовке квалифицированных кадров для отрасли культуры и креативных индустрий. В осуществлении данных задач активно участвуют не только образовательные организации сферы культуры, но и учреждения культуры, что способствует формированию комплексной экосистемы поддержки творческого развития личности.

Методы

В процессе исследования применялись методы обобщения и систематизации.

Основное исследование

Музыкальное искусство, обладая уникальной способностью быть универсальным языком межкультурной коммуникации, преодолевающим национальные, социальные и возрастные барьеры, занимает в этой системе особое место. Музыка вовлекает наибольшее число участников в процессы творчества, являясь эффективным инструментом формирования художественного вкуса, эстетических ценностей и умения коллективной работы.

Согласимся со словами швейцарского музыковеда Эрнеста Курта, утверждавшего, что «мелодия – это звук, текущий через разные вершины, и в своем течении образующий музыкальную мысль» [1]. Музыкальная мысль, будучи творческой основой, развивается, обрастая гармониями и фактурой, ритмической структурой, множеством средств музыкальной выразительности и в результате преобразуется в музыкальное произведение. Творческий процесс композиторской деятельности многогранен и индивидуален. Опустим научные изыскания о природе творчества, тонкие материи процесса рождения музыкального творения, согласившись с Н.Л. Зильберштейном, который отмечал, что «написание музыкального произведения — это процесс перехода вдохновения в усидчивый труд» [2].

Однако подчеркнем, что в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (ст. 1257, п. 3 ст. 1259; далее – ГК РФ)¹ объекты авторского права, которыми как произведения искусства являются музыкальные произведения, должны отвечать двум признакам: представлять собой результат творческой деятельности и быть выраженными в объективной форме.

Музыкальное произведение – результат интеллектуальной деятельности композитора (композиторов) (объект авторского права) во времени – благодаря исполнителю (коллективу исполнителей), обладающему охраняемыми интеллектуальными правами (подп. 4 п. 1 ст. 1225, пар. 2 ст. 1313–1221 ГК РФ). В стремлении сохранить звучащее во времени музыкальное произведение человечество стало выражать его в наиболее удобной для этого вида искусства объективной форме – в записи. Так появилась фонограмма – непосредственно связанный с музыкальным произведением, воплощенным в звук результатом творчества автора и исполнителя, охраняемый результат творческой деятельности (подп. 5 п. 1 ст. 1225, статьи 1222–1228 ГК РФ).

Но исполнитель не сможет осознать замысел автора, если произведение не будет облечено в такую материальную форму, как нотный текст, который можно прочесть и интерпретировать. Чаще всего нотный текст издается на бумажном носителе. Таким образом, на пути от создателя музыкального произведения до зрителя (слушателя) появляется еще один обладатель интеллектуальных прав – издатель, получающий исключительное право на произведение на условиях издательского лицензионного договора (ст. 1287 ГК РФ).

Так, в той или иной форме музыка, которую большинство людей привыкли воспринимать на слух, может иметь несколько материальных воплощений и правообладателей. При этом применение современных

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 25.12.2006. № 52 (ч.1) Ст. 5496.

технологий влияет на использование самого произведения и касаясь не только прав композитора, но и прав издателя и исполнителя, перенося музыкальное произведение в публичное пространство, в том числе, в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

В связи с музыкальными произведениями предметом научных исследований могут быть как сами музыкальные произведения, так и, например, творчество их создателей и исполнителей, вопросы методики и практики исполнения и (или) изучения того или иного произведения в процессе обучения композиторов и исполнителей и прочих лиц, имеющих отношение к музыкальной индустрии.

Актуальность вопросов, касающихся охраны прав на музыкальные произведения, создаваемые и используемые в ходе подготовки кадров для креативных индустрий в организациях сферы культуры, обусловлена активной фазой развития креативных индустрий, которая требует подготовки специалистов, обладающих не только профессиональными навыками, но и пониманием правовых основ создания и использования произведений, в том числе музыкальных. В организациях сферы культуры, осуществляющих подготовку творческих кадров, не только используются, но и создаются музыкальные произведения, исполнения, а также записи музыкальных произведений, однако правовой режим таких работ остается неопределенным.

В процессе подготовки кадров для креативных индустрий задействован целый ряд организаций сферы культуры – от детских школ искусств, профессиональных образовательных организаций и организаций высшего образования до центров народного творчества, школ креативных индустрий, центров прототипирования, инклюзивных творческих лабораторий, точек концентрации талантов «Гений места», а также филармоний, театров и других учреждений культуры и центров исполнительских искусств.

Особую роль в системе креативных индустрий играет именно музыкальное искусство. С одной стороны, объекты интеллектуальной собственности выступают в качестве объектов авторского и смежных прав в

музыкальной индустрии, а с другой, – они являются частью сложных объектов в кино, анимации, театральных, хореографических постановках, компьютерных играх, рекламе и т.д.

При подготовке кадров для креативных индустрий создаются и используются результаты творческой деятельности в области музыкального искусства во всем их многообразии.

Композиторами (как преподавателями, так и обучающимися, в том числе, в соавторстве) создаются музыкальные произведения (как для сольного исполнения, так и для творческих коллективов – ансамблей, оркестров). Правовая природа таких произведений и исполнений лежит в плоскости авторского и смежных прав. Для популяризации работы композиторов (в том числе обучающихся молодых авторов) является важным нотное издание их работ на бумажном носителе, а также исполнение и звукозапись.

Переработка произведений, т.е. аранжировки, оркестровки, переложения (в том числе, когда произведения транспонируются в удобную для тех или иных инструментов или голосов тональность), транскрипции, также охраняется нормами авторского права. Сборники таких переложений становятся востребованными в образовательном процессе, выходящим за пределы одной учебной аудитории и авторской методики конкретного преподавателя (в этом случае при заключении издательского договора встает вопрос не только соблюдения прав правообладателя оригинального музыкального произведения, но и автора, осуществившего переработку).

Нередко преподаватели создают хрестоматии, в которых используются не только произведения, перешедшие в общественное достояние, но и те, срок действия исключительных прав на которые не истек.

Наиболее часто в ходе подготовки кадров музыкальные произведения исполняются сольно, в учебном творческом коллективе (в том числе, с участием преподавателя), с концертмейстером. В этом случае необходимо говорить не только о соблюдении прав авторов и правообладателей на

произведение, но и о правах исполнителей (в том числе в рамках коллективного творчества).

Частью образовательного процесса в области искусства также является участие обучающихся в концертах, фестивалях, конкурсах, иных публичных мероприятиях. Такие мероприятия, в свою очередь, могут транслироваться как в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (в том числе, на персональных страницах образовательных организаций, обучающихся, преподавателей, видеохостингах и т.д.), так и на телевизионных и радиоканалах.

Поскольку в создании и исполнении музыкальных произведений могут участвовать как обучающиеся, так и преподаватели, возникают вопросы, связанные с правовым регулированием соавторства и принадлежностью исключительных прав на произведения, созданные в результате совместной работы. Согласно отечественному законодательству, произведение считается созданным в соавторстве, если авторы объединили свои творческие усилия в рамках общего замысла, даже если вклад каждого можно выделить [3]. При этом создание музыкального произведения обучающимся в соответствии с заданием (например, на основании тематического или гармонического материала, по заданной форме, в указанной стилистике) или в той или иной степени подкорректированного учащимся в соответствии с замечаниями преподавателя, едва ли можно считать произведением, созданным в соавторстве с преподавателем. А вот признание его произведением, созданным в ходе совместной работы преподавателя и обучающегося, по общему замыслу, представляется правомерным. В исследованиях Н.В. Щербак, В.О. Калятина [3; 4] подчеркивается важность учета специфики коллективного творчества и необходимость соблюдения интеллектуальных прав всех участников творческого процесса.

Что касается принадлежности исключительных прав на музыкальные произведения в составе сложных объектов, а также правомерности тех или иных форм использования произведений в образовательных целях, анализ

правового регулирования позволяет определить пути совершенствования законодательства по охране прав их авторов и организаций, осуществляющих образовательную деятельность, а также говорить о необходимости соблюдения баланса интересов авторов, правообладателей и общества. Изучению аспектов обеспечения этого баланса посвящены работы многих ученых, в числе которых Е.А. Войниканис, А.Ф. Пьянкова, Р.И. Ситдикова [5; 6; 7] и др.

Педагогические работники выступают в качестве авторов и соавторов объектов интеллектуальных прав. Например, они могут создавать произведения по договору авторского заказа или оставлять за собой исключительное право на созданное произведение, а обучающиеся могут сохранять право на созданные ими произведения или передавать исключительное право осуществляющей обучение организации. При этом коллективное творчество обучающихся и преподавателей не отвечает критерию служебности, поскольку обучение не приводит к возникновению служебных правоотношений, в связи с чем требуется заключение специальных соглашений, регулирующих права соавторов. Отсутствие таких механизмов порождает споры и правовую неопределенность.

Подготовка кадров для креативных индустрий осуществляется как в образовательных организациях сферы культуры, так и на базе учреждений культуры. Положениями статей 1274, 1275 ГК РФ предусмотрено свободное использование произведений в образовательных целях, однако вопросы, касающиеся исполнения музыкальных произведений обучающимися, учебными творческими коллективами урегулированы не в полной мере.

Так, п. 6 ч. 1 ст. 1274 ГК РФ допускает «публичное исполнение правомерно обнародованных произведений путем их представления в живом исполнении, осуществляемое без цели извлечения прибыли в образовательных организациях... работниками (сотрудниками) данных организаций и лицами, соответственно обслуживаемыми данными организациями». При этом

в законодательстве об образовании² понятие «обслуживание» применяется только к сфере научного обслуживания, хозяйственно-бытового обслуживания и по отношению к организациям социального обслуживания. Таким образом, права, обучающихся на свободное исполнение произведений, остаются неурегулированными.

Заключение

Правоприменительная практика демонстрирует отсутствие четких границ между коммерческим использованием произведений и их же использованием в процессе образовательной деятельности, что также требует уточнения в законодательстве. Расценивать ли в качестве извлечения прибыли использование произведений обучающимися, которые учатся за счет средств физического и (или) юридического лица или участвуют в тех или иных творческих мероприятиях, предусматривающих организационный взнос, благотворительных проектах?

Таким образом, требуют дополнительного правового регулирования вопросы: публичного исполнения музыкальных произведений; использования интеллектуальных прав при создании сложных объектов; распространения в информационном пространстве; записи на материальные носители.

Для решения поставленных вопросов необходимо:

- внести изменения в статьи 1274, 1275 ГК РФ, уточняющие порядок использования музыкальных произведений в образовательных целях;
- унифицировать подходы к разграничению свободного и несвободного использования, определить критерии свободного использования произведений, создаваемых и используемых участниками образовательного процесса в сфере креативных индустрий;
- разработать механизмы правового регулирования индивидуального творчества обучающихся, а также коллективного творчества (в том числе

² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 02.04.2025).

с участием педагогического работников) в рамках образовательного процесса, включая договорные модели, учитывающие баланс интересов всех участников правоотношений.

Список источников

1. Денисова Д. Искусство слышать между звуками / Д. Денисова // Трибуна молодого журналиста. – 2023. – № 6 (221). – Сент. URL: <https://tribuna.mosconsv.ru/?p=9526> (дата обращения: 11.04.2025).
2. Зильберштейн Н.Л. Авторское право на музыкальные произведения / Н.Л. Зильберштейн. – Москва: Госюриздат. – 1960. – С. 10.
3. Щербак Н.В. Теоретические аспекты учения о соавторстве и связанные с ними практические проблемы / Н.В. Щербак // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 5. – С. 61–71.
4. Калятин В.О. Проблема закрепления прав на результаты коллективной творческой деятельности в рамках служебных отношений / В.О. Калятин // Закон. – 2020. – № 9. – С. 173–184.
5. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е.А. Войниканис. – Москва: Юриспруденция. – 2013. – 552 с.
6. Пьянкова А.Ф. Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах: монография / А.Ф. Пьянкова. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та. – 2014. – 244 с.
7. Ситдикова Р.И. Обеспечение частных, общественных и государственных интересов авторским правом / Р.И. Ситдикова. – Москва: Статут. – 2013. – 159 с.

References

1. Denisova D. The art of hearing between sounds. *Tribuna molodogo zhurnalista = Tribune of a young journalist*. 2023. № 6 (221). Sent. URL: <https://tribuna.mosconsv.ru/?p=9526> (date of access: 11.04.2025) (in Russ.).
2. Silberstein N.L. *Avtorskoe pravo na muzykal`ny`e proizvedeniya = Copyright on musical works*. – Moscow: Gosyurizdat Publ. 1960. P. 10 (in Russ.).
3. Shcherbak N.V. Theoretical aspects of the doctrine of co-authorship and related practical problems. *Intellektual`naya sobstvennost`. Avtorskoe pravo i smezhny`e prava = Intellectual property. Copyright and related rights*. 2024. No. 5. P. 61–71 (in Russ.).
4. Kalyatin V.O. The problem of securing the rights to the results of collective creative activity within the framework of official relations. *Zakon = Law*. 2020. No. 9. P. 173–184 (in Russ.).

5. Voinikanis E.A. *Pravo intelektual`noj sobstvennosti v cifrovuyu e`poxu: paradigma balansa i gibkosti = Intellectual Property Law in the Digital Age: a paradigm of Balance and Flexibility*. Moscow: Jurisprudence Publ. 2013. 552 p. (in Russ.).

6. Pyankova A.F. *Obespechenie balansa interesov v grazhdansko-pravovy`x dogovorax: monografiya = Ensuring a balance of interests in civil law contracts: a monograph*. Perm: Publishing House of Perm State University. 2014. 244 p. (in Russ.)

7. Sitdikova R.I. *Obespechenie chastny`x, obshhestvenny`x i gosudarstvenny`x interesov avtorskim pravom = Ensuring private, public and state interests by copyright*. Moscow: Statut Publ. 2013. 159 p. (in Russ.).

Статья поступила 28.05.2025, принята к публикации: 18.06.2025.

© Григорьева А.Д., 2025

Научная статья

УДК 338.1

**Становление и экономическое состояние креативных индустрий
в государствах-членах ЕАЭС**

Юлия Сергеевна Васильева¹, Евгений Юрьевич Блохин²

^{1,2} Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

¹ И.о. зав. кафедрой Цифровой экономики и предпринимательства, кандидат экономических наук, доцент

yulya_v_s@mail.ru

AuthorID: 728700

² магистрант

blokhin337@gmail.com

Аннотация. В статье описаны ключевые этапы становления культурной и креативной индустрий в России и государствах – членах Евразийского экономического союза, начиная с постсоветского периода и по настоящее время; обобщены показатели, отражающие текущую социально-экономическую эффективность функционирования креативных индустрий; выделены наиболее способные к коммерциализации секторы; перечислены институциональные барьеры, тормозящие развитие креативных индустрий экономики государств-членов ЕАЭС; предложены направления реализации совместных усилий в рамках ЕАЭС для роста экономики.

Ключевые слова: креативные (творческие) индустрии, ЕАЭС, этапы становления, барьеры, государственное управление, креативная экономика, эффективность.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Творческие (креативные) индустрии (по видам) как социально-экономический сегмент в государствах-членах ЕАЭС: состояние и перспективы» (2-ГЗ-2023).

Для цитирования: Васильева Ю.С. Становление и экономическое состояние креативных индустрий в России и государствах-членах ЕАЭС / Ю.С. Васильева, Е.Ю. Блохин // IP: теория и практика. 2025. № 2 (10).

Original article

Formation and economic status of creative industries in the EAEU member states

Yulia S. Vasilyeva¹, Evgeniy Y. Blokhin²,

^{1,2} Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

¹ Acting head of the department of digital economics and entrepreneurship, PhD in economics, Associate professor

yulya_v_s@mail.ru

² Master's student

blokhin337@gmail.com

Abstract. The article describes the key stages of the formation of cultural and creative industries in Russia and the countries of the Eurasian Economic Union from the post-Soviet period to the present; summarizes indicators reflecting the current socio-economic efficiency of the creative industries; identifies the most capable of commercialization sectors; lists institutional barriers that hinder the development of creative industries in the economies of the AEU countries; suggests areas of implementation joint efforts within the EAEU in order to grow the economy.

Key words: creative industries, EAEU, stages of formation, barriers, public administration, creative economy, efficiency.

Funding: The research was carried out within the framework of the research "Creative (creative) industries (by type) as a socio-economic segment in the EAEU member states: status and Prospects" (2-GZ-2023).

For citation: Vasilyeva Y.S., Blokhin E.Y. The formation and economic state of creative industries in Russia and the EAEU member states // IP: theory and practice. 2025. No. 2 (10).

Введение

Креативные индустрии, определяемые как сектор экономики, основанный на интеллектуальной деятельности, идеях и технологиях, стали одним из факторов экономической трансформации государств – членов Евразийского экономического союза (далее – государства-члены ЕАЭС) в

постсоветский период. Несмотря на отсутствие единой стратегии и нормативно-правовой базы, креативные индустрии в государствах-членах ЕАЭС сегодня рассматриваются как инструмент устойчивого роста, культурной дипломатии и инноваций. Креативная экономика интегрирует современные тренды, например, такие как развитие «зеленых» технологий и их вклад в экономику, повышение уровня образования, продвижение принципов здорового образа жизни населения, что, в свою очередь, способствует достижению целей концепции устойчивого экономического развития [1, с. 505].

В государствах-членах ЕАЭС креативные индустрии демонстрируют значительный потенциал, однако их вклад в экономику остается недостаточно изученным, в том числе в контексте интеграционных процессов.

Методы

В процессе проведения исследования применялись методы сравнительного и статистического анализа, обобщения и систематизации.

Основное исследование

После распада СССР во всех бывших республиках возникла необходимость реструктуризации экономики и перехода на капиталистическую систему ведения хозяйства. У появившихся на территории бывшего СССР государств не было четкого понимания, как выстраивать рыночные механизмы и какие меры нужно принимать для поддержки бизнеса. Это коснулось и сферы культуры, перед которой встала проблема поиска финансирования проектов.

В Советском Союзе существовала централизованная система финансирования и поддержки музеев, театров, киностудий, что позволяло людям заниматься творчеством, не беспокоясь о финансовой составляющей. Большинство учреждений культуры работало на государственные заказы – выделялся бюджет на создание творческого продукта, который должен был выполнять определенную социальную и культурную функцию. Подобная

система была довольно эффективна, и качество творческой продукции в СССР было высоким, несмотря на определенные ограничения и цензуру.

С распадом СССР сфера культуры оказалась без финансовой поддержки. Учреждениям культуры приходилось искать себя в новой экономической системе. К сожалению, большинство субъектов творческих индустрий не смогли переориентироваться на рыночные механизмы и были вынуждены закрыться. Также произошел большой отток человеческого капитала в Европу и США, где сфера культуры была более развита с коммерческой точки зрения. Организации из сферы креативных индустрий в этот период развивались стихийно, преимущественно в формах малого бизнеса и самозанятости, отсутствовали какие-либо меры их поддержки со стороны государства.

Подобные тенденции прослеживались во всех государствах будущего Евразийского экономического союза. Тем не менее государства постепенно начали формировать нормативную базу для регулирования сферы культуры и креативных индустрий. В «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» от 1992 г. были заложены базовые правовые нормы сохранения и развития культуры в России. В 2000-х годах подобные законы были приняты в Армении, Казахстане, Кыргызстане и Беларуси.

С началом XXI в. экономическая ситуация в странах постсоветского пространства начала улучшаться, что отразилось и на творческих индустриях: театры и музеи переориентировались на массовые развлечения, традиционные ремесла стали нишевым продуктом. Продолжала формироваться нормативная база для управления креативной экономикой. В Российской Федерации были приняты законы о рекламе и персональных данных, началось постепенное регулирование правоотношений субъектов в Интернете, была принята четвертая часть ГК РФ, которая стала важным шагом в вопросах защиты интеллектуальной собственности и регулирования правоотношений в этой сфере.

Подобные меры принимались в других государствах – членах ЕАЭС: власти стали утверждать различные государственные программы и

формировать механизмы частно-государственного финансирования малого бизнеса в сфере услуг, IT и других секторах творческих индустрий. Началось создание инфраструктуры для сферы инноваций и креативных индустрий в крупных городах: бизнес-акселераторов, технопарков, креативных кластеров и т.п.

В бизнес-сообществе креативных индустрий формируется новая культура, направленная на потребительский рынок. Крупные компании делятся своим опытом с начинающими предпринимателями путем организации конференций и бизнес-завтраков для установления новых связей. Подобные мероприятия значительно ускоряют рост числа творческих бизнесов и создают запрос на признание творческих индустрий важной составляющей экономики.

В научном сообществе все больше внимания стали уделять исследованиям креативного сектора экономики и его влияния на экономическую, социальную и культурную сферы жизни человека.

К концу 2010-х годов в министерствах экономического развития государств-членов ЕАЭС началось активное обсуждение данных секторов экономики и постепенное движение в сторону принятия первых нормативно-правовых документов именно в отношении креативных (творческих) индустрий.

В 2020 г. мировая экономика погрузилась в затяжной кризис из-за пандемии Covid-19, и большинство отраслей промышленности показали значительный спад из-за ограничений, вводимых правительствами разных государств для сохранения безопасности граждан. Однако креативный сектор экономики, в отличие от традиционных видов бизнеса, оказался более устойчивым к таким переменам и смог не только сохранить ранее достигнутые экономические показатели, но и продемонстрировать значительный рост экспорта товаров и услуг. Генеральной ассамблеей ООН 2021 г. был назван «Годом креативной экономики» [2]. ЮНКТАД заявила, что креативные индустрии привлекают молодежь, создавая новые рабочие места больше, чем

любые другие отрасли экономики [3, с. 2]. Такое положение дел усилило внимание правительств государств-членов ЕАЭС к креативной экономике.

В Российской Федерации и других государствах-членах ЕАЭС стали появляться проекты законов, регулирующих дальнейшее развитие именно креативных индустрий на долгосрочную перспективу, а также начали формироваться государственные органы по управлению креативными индустриями.

В частности, в Российской Федерации в 2021 г. была принята «Концепция развития творческих (креативных индустрий) до 2030 года»¹, заложившая основы регулирования данной сферы и наметившая целевые показатели развития: увеличение доли креативных индустрий в ВВП страны с 1% до 6%. Подобный документ был также разработан в Республике Казахстан (Постановление Правительства РК от 30.11.2021 № 860 «Об утверждении Концепции развития креативных индустрий на 2021–2025 годы»². В Кыргызской Республике утвердили меры по поддержке креативных индустрий и приняли закон «О парке креативных индустрий». Сфера креативных индустрий в Республике Беларусь еще не закреплена в нормативной базе страны. В Республике Армения действует Katapult – трехлетняя (2022–2025) программа творческого акселератора [4, с. 17].

На данном этапе, несмотря на разнородное положение креативных индустрий в государствах-членах ЕАЭС, везде наблюдается положительная динамика по увеличению их роли в экономике, причем этот эффект является мультипликативным, т.е. происходит не только напрямую (за счет роста выпуска в самих индустриях), но и индуцированно (за счет повышения зарплат и роста в отраслях, связанных цепочками затрат).

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/ (дата обращения: 10.05.2025).

² Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2021 года № 860 «Об утверждении Концепции развития креативных индустрий на 2021–2025 годы». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33480048 (дата обращения: 10.05.2025).

Креативные индустрии оказывают точечное влияние на экономическое развитие государств-членов ЕАЭС. В первую очередь осуществляется поддержка малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей, содействие занятости в отдельных группах населения (в том числе, самозанятых).

Показатели, отражающие текущую социально-экономическую эффективность функционирования креативных индустрий в государствах-членах ЕАЭС, приведены в таблице.

Таблица

**Социально-экономическая эффективность функционирования
креативных индустрий ЕАЭС**

(по данным из открытых источников [4, с. 64; 5; 6, с. 36; 7; 8]) за 2020–
2024 гг.

Экономические показатели государств-участников ЕАЭС	Россия	Беларусь	Казахстан	Армения	Кыргызстан
Валовая добавленная стоимость, млрд руб.	7500	35,6	189,55	95,3	47,3
Кол-во действующих субъектов, всего, тыс. ед. из них:	700	10	41,8	25	6
ИП, тыс. ед.	485	7	29,5	17	5
компании, тыс. ед.	215	3	12,3	8	1
Занятость, тыс. чел. в т.ч.	4700	180	141,5	85	65
Доля занятых от общей занятости населения, в %	6,2	3,4	3,4	5,1	2,3
Экспорт творческих товаров и услуг, \$ млн	1,450	120	340	850	45

Конкретные секторы креативных индустрий в государствах-членах ЕАЭС развиваются неравномерно, отражая различия в экономических условиях, культурных традициях и государственной политике. Секторами креативных индустрий наиболее способными к коммерциализации считаются:

- в России – IT и финансовые технологии, сфера игр и дизайна;
- в Беларуси – IT и цифровые медиа, исполнительское искусство и музыка, ремесла и дизайн, кино;
- в Казахстане – IT, кино, музыка, разработка игр, реклама;
- в Армении – производство ювелирных изделий, реклама, ТВ и радиовещание;
- в Кыргызстане – IT, дизайн и мода, кино и ТВ.

Таким образом, наблюдается общий тренд среди государств-членов ЕАЭС на встраивание производств в креативных индустриях в общую экономическую повестку через цифровые технологии, что связано со стремлением государств к формированию единого цифрового пространства.

Таким образом, процесс становления креативных индустрий в государствах-членах ЕАЭС отражает как глобальные тренды, так и региональные особенности. Тенденции и перспективы развития креативных индустрий в государствах-членах ЕАЭС связаны со следующими факторами:

- усиление роли малого бизнеса в креативном секторе,
- рост интереса к национальному культурному наследию,
- ускоренное развитие цифровых творческих индустрий.

На текущем этапе развития у креативных индустрий в государствах-членах ЕАЭС есть определенные проблемы.

Россия является лидером по всем социально-экономическим показателям, демонстрируя потенциал для дальнейшего роста, несмотря на внешнеэкономические барьеры и политическую нестабильность. В Республике Беларусь основным сдерживающим фактором роста креативных индустрий является жесткое регулирование культурной сферы жизни общества и, как следствие, низкий уровень частного предпринимательства в

креативных индустриях. Кыргызстан делает акцент на развитие народных промыслов, однако экономическая отдача от креативных индустрий остается низкой. Армения увеличивает экспорт креативных товаров на мировой рынок, однако имеет серьезные проблемы защиты прав авторов [9]. Казахстан обладает хорошим потенциалом для дальнейшего роста творческих индустрий при условии разрешения внутренних экономических противоречий.

Можно назвать следующие общие барьеры в развитии креативных индустрий в государствах-членах ЕАЭС.

1) В рамках ЕАЭС отсутствует единая стратегия развития творческих индустрий.

В отличие от Великобритании, Германии или США, где креативные индустрии интегрированы в национальные экономические стратегии, в государствах-членах ЕАЭС этот сектор долгое время оставался без внимания. Нет системы совещательных органов, способных развивать креативный сектор совместными усилиями; отсутствует единое правовое поле в рамках творческих индустрий, которое бы сформировало глоссарий понятий и терминов, необходимых для работы с данной сферой; отсутствует общая система аналитики по всем направлениям развития креативных индустрий; сертификация продукции также отличается в каждом государстве, что создает лишние барьеры для бизнеса, планирующего выход на международные рынки. Без согласованности действий в данном направлении реализовывать совместные проекты в рамках ЕАЭС не представляется возможным.

2) Креативные индустрии сталкиваются с финансовыми трудностями.

В государствах-членах ЕАЭС еще не предусмотрены специальные налоговые режимы для разных экономических субъектов данной сферы. Государственные и частные формы поддержки не могут покрыть все расходы, с которым сталкивается творческий бизнес. В частности, в России после 2022 г. с уходом крупных зарубежных компаний креативный сектор экономики потерял возможность получать финансирование от иностранных компаний и фондов на новые и текущие проекты, возможность обмена опытом с

зарубежными партнерами в области творческих индустрий стала ограниченной. Другие государства-члены ЕАЭС также сегодня находятся на периферии мирового креативного рынка, а внутреннее потребление креативных товаров и услуг – на низких уровнях по сравнению с развитыми экономиками Европы, Японии и США.

3) В креативных индустриях наблюдается нехватка компетентных специалистов.

Креативный сектор является довольно динамичной средой, в которой постоянно появляются новые технологии, подходы к ведению бизнеса, продвижению своих продуктов на рынок и т.д. Все эти факторы накладывают на работника творческой индустрии необходимость постоянно обучаться, получать новые компетенции и использовать полученные знания на практике. Текущие образовательные программы в области культуры, искусства, кино и музыки уже не актуальны, и довольно быстро устаревают. Рынок творческих индустрий меняется гораздо быстрее, чем образовательные учреждения успевают под него подстроиться и подготовить новую образовательную программу. За 4–5 лет, пока студент получает теоретические знания, они становятся уже неактуальными и невостребованными работодателями. Активное развитие цифровых технологий заметно ускорило этот процесс, и теперь каждому предпринимателю в ходе своей деятельности необходимо овладевать новыми технологиями для успешного ведения бизнеса. Специалистов, готовых к такой работе, на рынке труда сейчас очень мало. Образовательных программ для подготовки специалистов – довольно ограниченное количество, в основном они представлены в крупных российских и казахстанских организациях высшего образования. Количество специалистов, выпускаемых на рынок по данным программам, – недостаточно. Большое количество студентов творческих вузов со временем переезжают в другие страны и начинают работать за рубежом. Это связано с различными экономическими, политическими, социальными факторами,

которые оказывают негативное воздействие на развитие креативных индустрий в государствах-членах ЕАЭС.

Заключение

Несмотря на вышеперечисленные негативные факторы, сдерживающие развитие креативных индустрий в государствах-членах ЕАЭС, они обладают огромным потенциалом для роста и диверсификации экономик, снижения социального неравенства и укрепления культурного суверенитета. Его можно реализовать благодаря усилению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС путем создания:

- единого рынка креативных товаров и услуг,
- национальных проектов по сохранению культурной идентичности,
- цифровой платформы для креативного бизнеса.

Дальнейший прогресс зависит от системной государственной политики, цифровой трансформации и интеграции в международные сети креативной экономики.

Можно предложить следующие рекомендации для совершенствования государственного управления креативными индустриями в экономиках государств-членов ЕАЭС:

1. Разработка единого классификатора творческих индустрий в ЕАЭС. Необходимо создать общие критерии отнесения бизнеса к креативному сектору, чтобы у органов власти была четкая методика оценки бизнеса и отнесения его к творческим индустриям. Самому бизнесу это поможет при получении налоговых льгот. Органам власти и статистическим агентствам будет проще собирать данные по творческим индустриям и оперативно реагировать на изменения экономической конъюнктуры.

2. Создание единой нормативной базы по креативной экономике. Необходимо разработать нормативный акт, который станет модельным законом для всех государств-членов ЕАЭС при определении таких понятий, как «творческие индустрии», «креативная экономика», «креативные

кластеры», «креативный продукт» и т.п. Подобный правовой документ поможет решить проблему с разночтениями терминов.

3. Создание благоприятной бизнес-среды. Целесообразно освобождение компаний от уплаты налогов в первые 2–3 года работы, за которые творческий бизнес сможет реализовать свой потенциал, направив средства в создание своего продукта, его продвижение и реализацию на рынок. Также это сократит количество компаний, которые ликвидируются в первые несколько лет после открытия.

4. Сокращение административных барьеров для бизнеса. Целесообразно минимизировать количество обязательных процедур для открытия малой компании: процесс ее регистрации должен быть простым и прозрачным, без необходимости обращаться в несколько ведомств и тратить время на сбор документов. Далее можно внедрить процесс уведомительного порядка для большинства видов деятельности по креативным индустриям, чтобы сократить количество бумажной работы для проверяющих органов.

5. Решение кадрового вопроса. На территории государств-участниц ЕАЭС необходимо создать центры компетенций по получению необходимых навыков для работы с креативными проектами. Образовательные учреждения, занимающиеся подготовкой специалистов для данных индустрий, могли бы создать единые образовательные стандарты для подготовки кадров. Те специалисты, которые уже имеют дипломы по творческим профессиям, могли бы подавать заявку на признание дипломов в рамках единого рынка труда государств-участниц ЕАЭС. Это позволит сократить отток специалистов за рубеж и нехватку специалистов в ряде творческих отраслей.

Вышеописанные меры помогут создать благоприятные условия для роста секторов креативных индустрий, обеспечить расширение экспорта товаров и услуг, повысить конкурентоспособность стран на мировой арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хроменкова Г.А. Влияние креативной экономики на экономический рост государства / Г.А. Хроменкова, Е.П. Анищенко // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 9-3. – С. 504–510.
2. International year of creative economy for sustainable development. UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en/years/international-year-creative-economy-sustainable-development-2021#:~:text=The%20year%202021%20was%20declared,and%20other%20relevant%20UN%20entities> (дата обращения: 19.05.2025).
3. Перспективы креативной экономики в 2022 г. ЮНКТАД. URL: ditctsce2022d1_overview_ru.pdf (дата обращения: 19.05.2025).
4. The state of Armenia’s cultural and creative ecosystem a needs assessment and economic analysis report. URL: <katapult-report-en-web.pdf>. P. 17, 64 (дата обращения: 15.05.2025).
5. Креативный сектор России в цифрах: 2024 г. – Москва: ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/996745056.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).
6. Креативные индустрии Казахстана. Тренды и перспективы. URL: <https://ipquorum.ru/upload/kreativnye-industrii-kazahstana-trendy-i-perspektivy-hpQTdcHF.pdf>. С. 36 (дата обращения: 10.05.2025).
7. Сулейманов А. Зачем ЕАЭС креативная экономика? / А. Сулейманов. URL: <http://berlek-nkp.com/artur-suleymanov/9899-artur-suleymanov-zachem-eaes-kreativnaya-ekonomika.html> (дата обращения: 10.05.2025).
8. Creative Industries Belarus. URL: <https://europaregina.eu/creative-industries/europe/belarus-creative-industries/> (дата обращения: 10.05.2025).
9. Тургель И.Д. Креативные индустрии России, Армении и Беларуси: тенденции развития и национальные приоритеты / И.Д. Тургель, З.В. Новокшонова, К.В. Чукавина // Казанский экономический вестник. – 2023. – № 6. – С. 14–25.

References

1. Khromenkova G.A., Anishenkova E.P. The influence of the creative economy on the economic growth of the state. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024. No. 9-3, pp. 504–510 (in Russ.).
2. International Year of Creative Economy for Sustainable Development. UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en/years/international-year-creative-economy-sustainable-development-2021#:~:text=The%20year%202021%20was%20declared,and%20other%20relevant%20UN%20entities> (date of access: 05.05.2025).

3. *Perspektivy kreativnoy ekonomiki v 2022 g. = Prospects for the creative economy in 2022.* UNCTAD. URL: [ditctsce2022d1_overview_en.pdf](#) (date of access: 05.05.2025).
4. The state of Armenia's cultural and creative ecosystem a needs assessment and economic analysis report. URL: [katapult report en-web.pdf](#). P. 17, 64 (date of access: 05.05.2025).
5. *Kreativnyy sektor Rossii v tsifrakh: 2024 g. = Russia's creative sector in numbers: 2024.* Access mode: URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/996745056.pdf> (date of access: 19.05.2025) (in Russ.)
6. *Kreativnyye industrii Kazakhstana. Trendy i perspektivy = Creative industries of Kazakhstan. Trends and prospects.* URL: <https://ipquorum.ru/upload/kreativnye-industrii-kazahstana-trendy-i-perspektivy-hpQTdcHF.pdf>. P. 36 (date of access: 19.05.2025) (in Russ.).
7. Suleymanov A. Why does the EAEU need a creative economy? URL: <http://berlek-nkp.com/artur-suleymanov/9899-artur-suleymanov-zachem-eaes-kreativnaya-ekonomika.html> (date of access: 20.05.2025) (in Russ.)
8. Creative Industries Belarus. URL: <https://europaregina.eu/creative-industries/europe/belarus-creative-industries> (date of access: 20.05.2025).
9. Turgel I.D., Novokshonova Z.V., Chukavina K.V. Creative industries of Russia, Armenia and Belarus: development trends and national priorities. *Kazanskiy ekonomicheskiy vestnik = Kazan Economic Bulletin*. 2023. No. 6, pp. 14–25 (in Russ.).

Статья поступила 23.05.2025, принята к публикации: 05.06.2025.

© Васильева Ю.С., Блохин Е.Ю., 2025

Научная статья

УДК 338.24

**Платформы патентных операций: новые игроки
на рынке интеллектуальной собственности Китая**

Андрей Тимофеевич Волков¹,

Виктор Степанович Воронов²

^{1,2} Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

¹ доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности

a.volkov@rgiis.ru

SPIN-код: 2089-2215

<https://0000-0002-2743-9991>

² доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры Управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности

SPIN-код: 5511-6417

<https://0000-0002-0655-4413>

voronov.v@rgiis.ru

Аннотация. Работа посвящена анализу деятельности платформ патентных операций (ППО), или патентных цифровых платформ (ПЦП), недавно появившихся в Китае. Бизнес-модели новых платформ радикально отличаются от моделей известных патентных (агрессивных и оборонительных) агрегаторов. ППО формируют региональные инновационные сети, предоставляя патентные услуги без владения чужими патентами для удовлетворения инновационных потребностей своих клиентов и оказания им помощи в накоплении ресурсов для развития. Анализ показал, что в научной литературе пока не сформировано понимания структуры и механизма действия ППО, особенно в странах с развивающейся экономикой, где патентные рынки образовались недавно. В связи с этим деятельность ППО является актуальным направлением для исследований в инноватике.

Предварительный анализ показывает, что их конкурентное преимущество на рынке заключается в наличии расширенных патентных баз данных.

Ключевые слова: Китай, патентный посредник, патентный рынок, сеть инновационного развития, цифровая платформа.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Развитие механизмов платформенной и сетевой экономики в Российской Федерации: проблемы и пути решения» (10-ГЗ-2022).

Для цитирования: Волков А.Т. Платформы патентных операций: новые игроки на рынке интеллектуальной собственности Китая / А.Т. Волков, В.С. Воронов // IP: теория и практика. 2025. № 2 (10).

Original article

Patent Operation Platforms: New Players in China's IP Market

Andrey T. Volkov¹

Victor S. Voronov²

^{1,2} Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

¹ Doctor of Economics, professor, professor of the Department of Innovation management and intellectual property commercialization

a.volkov@rgiis.ru

SPIN-код: 2089-2215,

<https://0000-0002-2743-9991>

² Doctor of Economics, associate professor, professor of the Department of Innovation management and intellectual property commercialization

<https://0000-0002-0655-4413>

voronov.v@rgiis.ru

Abstract. The paper is devoted to analysis of the activities of patent operation platforms (POP) or patent digital platforms (PDP) that have recently emerged in China. The business models of the new platforms are radically different from those of well-known patent (aggressive and defensive) aggregators. POP form regional innovation networks by providing patent services without owning other's patents to meet the innovation needs of their clients and help them accumulate resources for development. The analysis shows that the scientific literature has not yet provided an understanding of the structure and mechanism of POP, especially in emerging economies where patent markets have recently formed. In this regard, the activities

of POP are a quite relevant area of research in innovation. Preliminary studies have shown that they have important structural components that are characteristic of both bilateral and product platforms. In this regard, the activities of PPOs are a relevant area for research in innovation. Preliminary analysis shows that their competitive advantage in the market is the availability of expanded patent databases.

Keywords: China, digital platform, innovative development network, patent intermediary, patent market.

Funding: The study was carried out within the framework of the research work “Development of mechanisms of the platform and network economy in the Russian Federation: problems and solutions”, in accordance with the State Assignment for the Russian State Academy of Intellectual Property (10-GZ-2022).

For citation: Volkov A.T., Voronov V.S. Patent Operation Platforms: New Players in China's IP Market // IP: theory and practice. 2025. No. 2 (10).

Введение

Компании, которые внедряют технологические инновации с помощью различных рыночных стратегий, могут воспользоваться услугами патентных посредников – организаций, предоставляющих услуги по сопровождению патентных сделок. Такие посредники обеспечивают оборот патентных активов своим клиентам путем покупки, продажи или лицензирования. Кроме того, с их помощью заинтересованные клиенты могут инициировать судебные разбирательства против производственных гигантов. Патентные посредники такого типа получили распространение в Европе и США в 2000-х годах [1; с. 72–80]. Сильное рыночное влияние приводит патентных посредников к созданию платформенных экосистем. Например, крупнейшая американская платформа Intellectual Ventures взяла на себя центральную роль в глобализации инновационного процесса¹.

В Китае патентные посредники появились после того, как правительство страны обнародовало Концепцию национальной стратегии в области интеллектуальной собственности (2008). Развитие инновационных возможностей ППО стало ответом на запросы развивающегося рынка

¹ На этой платформе также действует первый, и пока крупнейший в мире, инвестиционный фонд изобретений (Invention Investment Fund – IIF).

патентов. К числу посредников относятся, например, компании Sixlens, Baiten и Lotut, деятельность которых анализируется ниже. Такие компании в китайской экономической литературе называют «платформами патентных операций» (Patent Operation Platform; далее – ППО) или «патентными цифровыми платформами» (Patent Digital Platform). Опираясь на возможности Интернета, китайские платформы формируют инновационные сети, предоставляя услуги компаниям для удовлетворения инновационных потребностей и накопления ресурсов.

Основное исследование

Особенности и структура экосистемы патентных платформ.

Платформенная экосистема рассматривается в теории как частично регулируемый рынок, способствующий предпринимательской деятельности, или как многосторонний рынок, позволяющий осуществлять транзакции между отдельными группами пользователей. Открытая экосистема обычно включает в себя партнеров, клиентов и множество новаторов с разными намерениями и характеристиками, которых необходимо интегрировать в единое целое [2].

Деятельность патентных посредников рассматривается с различных точек зрения. Например, М. Бенасси и А. Ди Минин рассматривают эту тему с точки зрения экономии транзакционных издержек и теории структурных провалов [3]. В работе других исследователей обсуждается природа патентного посредника как организатора виртуального инновационного сообщества на основе краудсорсинга [4]. Такой посредник способен оказывать наукоемкие бизнес-услуги, направленные на содействие накоплению, созданию и распространению знаний, а также на усиление инновационности в промышленных секторах для удовлетворения потребностей клиентов [5]. Поскольку практически все патенты содержат специализированные знания, их создание, накопление и распространение требуют специфических компетенций. Без учета знаний, накопленных посредниками на патентном

рынке, затраты на поиск партнеров оказываются высокими, если фирмы пытаются заключать сделки самостоятельно.

Структурный анализ, примененный исследователями к продуктовым и двусторонним платформам, позволил выявить сильное влияние платформенных экосистем на региональную и глобальную экономику с ее деловыми и социальными ценностями [6]. Однако такие выводы в основном были сделаны на основе исследований платформ производственных услуг, например, в сфере видеоигр и смартфонов. Пока нет эмпирических данных о том, основана ли структура ППО, предоставляющих специализированные патентные услуги, на концепции продуктовой или двусторонней платформы.

Для заполнения этих пробелов исследовалась структура ППО и механизмы их деятельности, в том числе связь между развитием информационно-коммуникативных технологий (далее – ИКТ), новыми концепциями услуг, системой предоставления услуг и клиентскими интерфейсами [7; 8]. В результате анализа были выявлены лидирующие платформы и получено некоторое представление об их структуре и механизмах функционирования.

Платформа Sixlens, основанная в 2018 г., интегрирована с базой данных о глобальной науке и технике, с картой знаний и несколькими сервисными модулями [8]. Для работы с массивами патентных данных используется облачная вычислительная платформа Ocean Base, разработанная компанией ANT Group Co., Ltd. База была сформирована путем агрегирования многомерных данных, связанных с глобальными процессами патентования изобретений, инвестициями, слияниями и поглощениями компаний и т.д. В ней содержится несколько сотен терабайт данных, охватывающих множество конкретных областей науки, технологий и отраслей².

Компания может оказывать клиентам онлайн-услуги по подаче патентных заявок и консультированию, осуществлять транзакции между

² Данные с сайта компании: URL: <http://www.linkinip.com/> (дата обращения: 01.02.2025).

продавцами и покупателями патентов. Постоянным клиентам предоставляются пакетные услуги.

Платформа Sixlens использует интеллектуальную систему для подачи патентных заявок и проверки их по существующим базам. Также платформа генерирует список надежных патентных агентств. Внедрение ИКТ увеличило ценность услуг, предоставляемых платформой, и стимулирует появление новых концепций обслуживания.

Развитие клиентского интерфейса и системы услуг повлияло на открытость и сетевой эффект Sixlens. Интерфейс платформы предоставляет возможность готовить окончательные отчеты, бюллетени и визуализировать данные для поддержки клиентов с различными требованиями.

Платформа имеет структурное подразделение по работе с большими патентными данными, занимающееся быстрым внедрением инноваций и предоставлением услуг правительству, фирмам, университетам и другим учреждениям по всему Китаю. В подразделении работает команда из 20 человек, обладающих разносторонними знаниями и опытом. Специалисты команды имеют квалификацию юристов и сертифицированных государственных бухгалтеров, специализация которых охватывает различные сферы: электронику, химию, статистику, управление и экономику. Бизнес этого подразделения развивается в Пекине, Шанхае, Шэньчжэне, Ханчжоу, Ухане, Нанкине и других городах Китая, что способствует росту репутации компании Sixlens.

В стремлении удовлетворить потребности клиентов, которые жалуются, что коммерческие банки неохотно принимают их запросы на финансирование под залог патентов, потому что оценка их стоимости требует высоких затрат, платформа Sixlens внедрила услугу под названием «Поток патентной ценности». Алгоритм ее работы включает оценку стоимости патентов в динамике – до, в течение срока и после окончания срока договора залога, с помощью патентной базы данных. Таким образом, традиционная концепция оценки патентов была заменена длительным мониторингом изменения их

стоимости. К настоящему времени этой услугой воспользовались сотни малых и средних предприятий, и общая сумма финансирования под залог патентов превысила 700 млн юаней.

Служба патентных транзакций Sixlens также использует открытость и сетевой эффект платформы. Команда специалистов по бухгалтерскому учету и управлению правами оказывает клиентам услуги по сопровождению патентных транзакций. Клиенты могут взаимодействовать не только с сотрудниками, но и с приглашенными профессиональными консультантами. Данной команде удалось выявить риски при залоге патентов более чем в 270 случаях.

Платформа Baiten, созданная в 2013 г., агрегирует сервис «Система обслуживания на основе больших патентных данных» [8; 9]. Сервисные модули обеспечивают подачу патентных заявок, поиск, интеллектуальный анализ данных, сетевое взаимодействие и т.д. (см. рис.). Система содержит более 130 млн фрагментов корпоративных и административных данных из 103 стран и организаций, включая США, Японию, Германию, Францию, Великобританию, Всемирную организацию интеллектуальной собственности и Европейское патентное ведомство³. Платформа больших данных обеспечивает возможности машинного обучения и анализа данных, что помогает справиться с активной динамикой патентного рынка. Благодаря оптимизации процессов сроки обработки и анализ первичных данных сократились до 3–6 часов, в то время как без использования платформы этот процесс мог занимать семь дней. Благодаря мощной базе данных, платформа Baiten может предоставлять несколько видов патентных услуг. Как и в случае с Sixlens, эти услуги объединяются в сервисные пакеты, если пользователи регистрируются в качестве постоянных клиентов.

³ URL: <http://www.baiten.com/> (дата обращения: 01.02.2025).

Рис. Структура платформы Baiten

Источник: составлено авторами по материалам Liang K., и др., 2022 г.

Внедрение цифровых технологий в патентные сервисы составляет основную компетенцию платформы Baiten. Компания получила 141 патент и 77 свидетельств на товарные знаки, и эти активы являются не только источниками совместного создания стоимости, но и гарантией влияния платформы на региональное развитие.

Опираясь на профессиональные возможности дочернего предприятия под названием «Патентное агентство Чанчжоу Байе Тэнфэй» – патентного агентства, обслуживающего более 40 000 внутренних и зарубежных патентных заявок с более чем 50 штатными сотрудниками, платформа Baiten в 2015 г. открыла онлайн-службу подачи патентных заявок. Это помогло ей получить конкурентное преимущество на патентном рынке.

Подаявая патентные заявки, китайские фирмы часто полагаются на местные агентства патентного ведомства, поскольку именно через них

происходит взаимодействие с патентным ведомством. Более того, такие факторы, как кадровые изменения в государственных агентствах иногда задерживают рассмотрение заявок, а в некоторых регионах агентств просто нет. С помощью онлайн-службы эти проблемы снимаются. В службе успешно работают более 150 сотрудников, имеющих ученые степени в области права, механики, электроники, химии, биомедицины и программного обеспечения.

Частое появление контрафактной продукции на рынке Китая существенно затрудняет применение льгот для новаторов. Для решения данной проблемы совместно с Китайской ассоциацией исследований интеллектуальной собственности (далее – CIPRA) компания Baiten разработала новую услугу под названием «Сбор данных о патентованной продукции». Специальные знаки с использованием QR-кодов и технологии больших данных теперь наносятся на сертифицированную продукцию. Такие знаки с функциями различения контрафактной и сертифицированной продукции выдаются CIPRA и играют положительную роль в продвижении патентованной продукции. С помощью программы в общей сложности было охвачено более 3 тыс. фирм, предлагающих около 14 тыс. продуктов, и подтверждено около 30 тыс. действующих патентов.

Оптимизация клиентского интерфейса платформы Baiten оказывает огромное влияние на обслуживание патентных транзакций. Клиенты, зарегистрированные в качестве продавцов, размещают патенты, которые они хотели бы реализовать. Клиенты, желающие приобрести патенты, проверяют детали транзакции и контактную информацию продавцов. Покупателям предоставляется несколько возможных вариантов заключения сделки. Они могут консультироваться с продавцами онлайн или напрямую, либо делегировать агентские полномочия команде Baiten, либо направлять свои запросы известным патентным посредникам через платформу Baiten для завершения транзакций с помощью этих посредников.

Платформа Lotut. В регионах, где цифровая инфраструктура развита недостаточно и размер цифровых отраслей невелик, требования патентных

рынков относительно просты и ограничиваются в основном подачей патентных заявок, уступкой прав или лицензированием, продавцам и покупателям патентов сложно найти подходящих партнеров для сделок. ППО в этих регионах могут добиться успеха в основном благодаря масштабу бизнеса.

Например, платформа Lotut была основана еще в 2008 г. компанией Intelligent Dragon Totem Intelligent Property Co., Ltd. со штаб-квартирой в городе Хэфэй провинции Аньхой [9]. Согласно «Белой книге индекса развития цифровой экономики Китая» за 2020 г., цифровая инфраструктура провинции Аньхой занимает лишь 19-е место среди 31 провинции Китая, что ниже среднего показателя. В таких обстоятельствах платформа Lotut реализовала стратегию по расширению масштабов бизнеса. Было создано девять дочерних компаний в крупных городах провинции Аньхой, охватывающих биомедицину, информационные технологии, энергосбережение и защиту окружающей среды. Одной из наиболее важных функций этих компаний является объединение новаторов и выявление их потребностей в патентах.

Благодаря инициативной связи с местными новаторами платформа Lotut разработала ряд услуг, таких как патентное агентство, патентный анализ и коммерциализация патентов. Lotut построила и расширила свою сеть в провинции Аньхой, услугами которой пользуются местное правительство, высокотехнологичные предприятия, университеты и изобретатели. На сегодняшний день с платформой Lotut сотрудничают более 20 тысяч клиентов. ППО такого типа сыграли важную роль на региональном патентном рынке, где необходимо улучшить технологический климат.

Заключение

Независимо от того, где находятся фирмы, – в Китае, США или Европе, на патентном рынке по-прежнему существует множество ограничений, таких как:

- отсутствие стандартизированных методов и показателей оценки стоимости патентов;
- низкая ликвидность патентных активов;
- желание покупателей сохранить анонимность;
- несогласованные ожидания продавцов и покупателей и др.

Патентные платформы не только создают площадки для продавцов и покупателей, но также предоставляют обеим сторонам важную информацию для заключения сделок. При этом конфиденциальные (в т.ч. личные) данные покупателей и продавцов надежно защищены, а информационная асимметрия в целом на патентном рынке уменьшена.

Анализ кейсов Sixlens и Baiten показал, что инновации в сфере услуг оказали заметное влияние на ППО и сопровождаются новыми данными, информацией и знаниями. Сочетание ИКТ с системой предоставления услуг и клиентским интерфейсом усиливает сетевой эффект и повышает открытость ППО. Команды сотрудников умеют обращаться с большими данными, искусственным интеллектом и позитивно взаимодействовать с клиентами. В результате репутация ППО растет, и в экосистему вовлекается все больше клиентов и городов Китая. Услуги по патентным сделкам в основном формируются исходя из требований рынка, особенно в условиях информационной асимметрии. Поэтому клиентскому интерфейсу чаще отводится ведущая роль, а его связь с системой предоставления услуг и ИКТ усиливает открытость и сетевой эффект платформ.

Концепции платформенных экосистем, патентного посредничества и наукоемких бизнес-услуг получили полное подтверждение в исследованиях структуры и функций ППО в Китае. Исследования показали, что они имеют важные структурные компоненты, характерные для различных типов платформ. Деятельность ППО существенно зависит от поддержки расширенных патентных баз данных. Это создает конкурентное преимущество на патентном рынке по сравнению с традиционными посредниками, такими как патентные брокеры и патентные поверенные.

Будучи специализированными платформами обслуживания, ППО часто развивают услуги посредством взаимодействия персонала с клиентами или применения новых ИКТ. Однако иногда участие дополняющих сторон является значительным, например, как было отмечено, услуга «Сбор данных о патентованной продукции», была разработана компанией Vaiten совместно с ассоциацией CIPRA.

Список литературы

1. Воронов В.С. Финансовая инженерия в экономике интеллектуальной собственности : монография. М.: Проспект, 2017. 160 с.
2. Eckhardt J.T., Ciuchta M.P., Carpenter, M. Open innovation, information, and entrepreneurship within platform ecosystems // *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2018. Vol. 12(3). P. 369–391. DOI: 10.1002/sej.1298
3. Benassi M., Di Minin A. Playing in between: Patent brokers in markets for technology // *R&D Management*. 2009. Vol. 39(1). P. 68–86. DOI:10.1111/j.1467-9310.2008.00537.x
4. Feller J., Finnegan P., Hayes J., O'Reilly P. 'Orchestrating' sustainable crowdsourcing: A characterization of solver brokerages // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2012. Vol. 21(3). P. 216–232. DOI:10.1016/j.jsis.2012.03.002
5. Hertog P.D. Knowledge-intensive business services as co-producers of innovation // *International Journal of Innovation Management*. 2001. Vol. 4(4). P. 491–528. DOI: 10.1016/S1363-9196(00)00024-X
6. Yun J.J., Won D., Park K., Yang J., Zhao Z. Growth of a platform business model as an entrepreneurial ecosystem and its effects on regional development // *European Planning Studies*. 2017. Vol. 25(6). P. 805–826. DOI:10.1080/09654313.2017.1282082
7. Wang Y. Security-driven distributed platforms for intellectual property resource provision – a case study of TSITE IP // *Journal of Cloud Computing: Advances, Systems and Applications*. 2021. Vol. 10:56. DOI: 10.1186/s13677-021-00274-2
8. Liang K., Ma L., Liu Z., Li T. Structuring and Operating Patent Intermediary as Platform Ecosystem: Case Studies of Patent Operation Platforms (POPs) in China // *Science, Technology & Society*. 2022. Vol. 27 (2). P. 191-212. DOI: 10.1177/09717218221074933
9. Liang K., Ma L., Liu Z., Yi C. Successfully operating patent digital platforms in China: A configurational perspective // *Managerial and Decision Economics*. 2023. P. 1–15. DOI: 10.1002/mde.3966

References

1. Voronov V.S. Finansovaya ingeneria v ekonomike intellektualnoi sobstvennosti : monografiya. M.: Prospekt, 2017. 160 s.

2. Eckhardt J.T., Ciuchta M.P., Carpenter, M. Open innovation, information, and entrepreneurship within platform ecosystems // *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2018. Vol. 12(3). P. 369–391. DOI: 10.1002/sej.1298
3. Benassi M., Di Minin A. Playing in between: Patent brokers in markets for technology // *R&D Management*. 2009. Vol. 39(1). P. 68–86. DOI:10.1111/j.1467-9310.2008.00537.x
4. Feller J., Finnegan P., Hayes J., O'Reilly P. 'Orchestrating' sustainable crowdsourcing: A characterization of solver brokerages // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2012. Vol. 21(3). P. 216–232. DOI:10.1016/j.jsis.2012.03.002
5. Hertog P.D. Knowledge-intensive business services as co-producers of innovation // *International Journal of Innovation Management*. 2001. Vol. 4(4). P. 491–528. DOI: 10.1016/S1363-9196(00)00024-X
6. Yun J.J., Won D., Park K., Yang J., Zhao Z. Growth of a platform business model as an entrepreneurial ecosystem and its effects on regional development // *European Planning Studies*. 2017. Vol. 25(6). P. 805–826. DOI:10.1080/09654313.2017.1282082
7. Wang Y. Security-driven distributed platforms for intellectual property resource provision – a case study of TSITE IP // *Journal of Cloud Computing: Advances, Systems and Applications*. 2021. Vol. 10:56. DOI: 10.1186/s13677-021-00274-2
8. Liang K., Ma L., Liu Z., Li T. Structuring and Operating Patent Intermediary as Platform Ecosystem: Case Studies of Patent Operation Platforms (POPs) in China // *Science, Technology & Society*. 2022. Vol. 27 (2). P. 191-212. DOI: 10.1177/09717218221074933
9. Liang K., Ma L., Liu Z., Yi C. Successfully operating patent digital platforms in China: A configurational perspective // *Managerial and Decision Economics*. 2023. P. 1–15. DOI: 10.1002/mde.3966

Статья поступила 17.03.2025, принята к публикации: 05.05.2025.

© Волков А.Т., Воронов В.С., 2025

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Научная статья

УДК 347.77

Звуковой товарный знак в контексте отдельных международных актов и фундаментальных нематериальных благ (на примере голоса)

Наталья Юрьевна Сергеева,

Российская государственная академия интеллектуальной
собственности, Москва, Россия

Кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского и
предпринимательского права

NSkafedra@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

Аннотация. Статья посвящена одному из нетрадиционных видов обозначений – звуковому товарному знаку и его анализу в контексте Сингапурского договора о законах по товарным знакам, а также возможной правовой взаимосвязи звукового обозначения с таким фундаментальным нематериальным благом, как голос гражданина. Автор приходит к выводу о необходимости соблюдения баланса между интересами правообладателя товарного знака и личными неимущественными правами владельца голоса, находит возможным считать регистрацию указанного знака косвенной защитой данного нематериального блага в условиях цифровизации.

Ключевые слова: товарный знак, звуковой товарный знак, Сингапурский договор, правовая охрана, нематериальные блага, голос.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Альтернативная система международной регистрации товарных знаков» (7-ГЗ-2023).

Для цитирования: Звуковой товарный знак в контексте международных актов и фундаментальных нематериальных благ (на примере голоса) // IP: теория и практика. 2024. № 2 (10).

Original article

Sound trademark in the context of individual international acts and fundamental intangible goods (using the example of voice)

Natalia Yu. Sergeeva,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia
Associate Professor of the Department of Civil and Business Law

PhD in Law

NSkafedra@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

Abstract. The article is devoted to one of the non-traditional types of designations - the sound trademark and its analysis in the context of the Singapore Trademark Treaty, as well as the possible legal relationship of the sound designation with such a fundamental intangible good as the voice of a citizen. The author comes to conclusions about the need to maintain a balance between the interests of the trademark owner and the personal non-property rights of the voting owner, and also finds it possible to consider the registration of the specified mark as an indirect protection of this intangible asset in the context of digitalization.

Keywords: trademark, sound trademark, Singapore Treaty, legal protection, intangible assets, voice.

Funding: The article was carried out within the framework of research "Alternative system for international registration of trademarks" (7-GZ-2023).

For citation: Sergeeva N.Yu. Sound trademark in the context of individual international acts and fundamental intangible goods (using the example of voice) // IP: Theory and Practice. 2025. №. 2 (10).

Введение

Как известно, по смыслу п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), гражданское законодательство определяет, в том числе, порядок осуществления прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав). В свою очередь названные права возникают на интеллектуальную собственность – нематериальные и оборотоспособные объекты (статьи 128, 129 ГК РФ). Все виды интеллектуальной собственности представлены в ГК РФ через условное деление на результаты интеллектуальной деятельности и средства

индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ). Среди них особое место занимают товарные знаки, правовая охрана которых представляет собой «совокупность правовых норм, устанавливающих определенные требования к надлежащему порядку приобретения, использования (товарного знака) и распоряжения исключительным правом на товарный знак» [1].

Правовая охрана обозначения товара в качестве товарного знака дает правообладателю огромные преимущества – исключительное, монопольное право изготавливать, продавать и использовать на всей территории России соответствующие товары, маркированные товарным знаком. Охрана обозначения товара в качестве товарного знака является самым действенным, распространенным и... самым важным рекламным средством продвижения товаров на рынке [2]. Именно поэтому потенциальные правообладатели максимально заинтересованы в том, чтобы их знак был узнаваемым и запоминающимся. С этой целью они нередко прибегают к таким его нетрадиционным разновидностям, как голографические, позиционные, звуковые и другие обозначения.

Настоящая статья будет посвящена последнему из них – звуковому товарному знаку. Автор предлагает рассмотреть его в контексте Сингапурского договора о товарных знаках, а также такого фундаментального нематериального блага, как голос гражданина с целью выявить точки их соприкосновения в действующем законодательстве.

Методы

В процессе исследования были применены методы логического и системного анализа, а также сравнительный метод с целью выявления особенностей Сингапурского договора о товарных знаках и его влияния на действующее законодательство о товарных знаках.

Основное исследование

В гражданском законодательстве товарному знаку посвящен параграф 2

главы 76 ГК РФ. Исходя из п. 1 ст. 1477 ГК РФ под товарным знаком следует понимать обозначение, служащее для индивидуализации товаров. При этом исключительное право на данное средство индивидуализации требует признания и удостоверяется свидетельством на товарный знак.

Правообладателем товарного знака в свете последних изменений в ГК РФ может стать любое лицо, в том числе, гражданин. Это объясняется тем, что граждане нередко заинтересованы в наличии товарного знака, не имея при этом постоянного дохода от предпринимательской деятельности (художники, фотографы и пр.). Подчеркнем, что до принятия соответствующих изменений в ГК РФ в доктрине не раз указывалось на то, что граждане были несправедливо «забыты» в перечне правообладателей товарных знаков. Так, например, Э.П. Гаврилов еще в 2009 г. отмечал, что: «...у них может возникнуть объективная потребность стать обладателями исключительного права на товарный знак в отношении товаров, которые время от времени могут изготавливаться и продаваться ими» [3].

В настоящее время законодатель восстановил справедливый правовой баланс и более не устанавливает ограничений по субъектному составу правообладателей данного средства индивидуализации, равно нет и каких-либо ограничений по видам товарных знаков. Так, в этом качестве могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации. Одновременно в законе уточняется, что товарный знак может быть зарегистрирован в любом цвете или цветовом сочетании (ст. 1482 ГК РФ).

Указание в ст. 1482 ГК РФ на «другие» обозначения предполагает открытый перечень их разновидностей. В настоящее время они конкретизированы в Приказе Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482, которым утверждены Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков

обслуживания, коллективных знаков¹ (далее – Правила).

Согласно п. 32 названных Правил, к другим обозначениям относятся звуковые, световые, изменяющиеся, голографические, осязательные, позиционные, обонятельные, вкусовые, обозначения, состоящие исключительно из одного или нескольких цветов. При этом примеры данных обозначений и их краткие описания приводятся в п. 1 главы 2 Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов (далее – Руководство)².

Примечательно, что названные обозначения, иначе именуемые «нетрадиционными», появились в российском законодательстве благодаря Сингапурскому договору о законах по товарным знакам (англ. – Singapore Treaty on the Law of Trademarks), принятым Дипломатической конференцией 27.03.2006 в г. Сингапуре (далее – Договор). Названный документ был подписан во исполнение распоряжения Правительства Российской Федерации от 24.03.2007 № 352-р в штаб-квартире Всемирной организации интеллектуальной собственности в г. Женеве 26 марта 2007 г. руководителем Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам Б.П. Симоновым. Отметим, что по итогам работы указанной Дипломатической конференции были приняты также Инструкция³,

¹ Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак» // СПС «Гарант».

² Приказ ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов» // СПС «Гарант».

³ Инструкция к Сингапурскому договору о законах по товарным знакам (вступила в силу 1 ноября 2011 г.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/290024> (дата обращения: 14.04.2025).

являющаяся его неотъемлемой частью (далее – Инструкция) и Резолюция⁴, дополняющая перечисленные документы (далее – Резолюция).

Подписание Договора стало существенным шагом в развитии международного сотрудничества в области охраны товарных знаков. Указанный международный нормативный акт был ратифицирован Федеральным законом от 23.05.2009 № 98-ФЗ «О ратификации Сингапурского договора о законах по товарным знакам» и вступил в силу для Российской Федерации с 18 декабря 2009 г. 28 марта 2006 г. Договор был подписан 41 государством. В настоящее время в данном договоре участвует 54 страны. Участие Российской Федерации в Договоре направлено на обеспечение равных прав как для российских заявителей, регистрирующих товарные знаки за рубежом, так и для иностранных заявителей, регистрирующих товарные знаки в Российской Федерации. Данный международный акт состоит из 32 статей, 10 правил и 12 Типовых международных бланков [4].

Рассматриваемый международный акт явился прежде всего очередным этапом гармонизации национальных систем законодательства по товарным знакам в части, касающейся административных процедур. Однако применительно к теме настоящей статьи его революционная особенность состоит в том, что именно данный международный акт позволил внедрить в российское правовое поле возможность регистрировать упомянутые выше нетрадиционные обозначения. В частности, поскольку Сингапурский договор применяется в отношении знаков любых видов, включая нетрадиционные (видимые и невидимые) они получили «зеленый свет» в Российской Федерации.

Для демонстрации сказанного обратимся к Инструкции, которая содержит подробности, связанные с подачей заявок на нетрадиционные товарные знаки.

Так, например, для знаков, имеющих притязание на цвет, в ней

⁴ Резолюция Дипломатической конференции, дополнительная к Сингапурскому договору о законах по товарным знакам. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12670> (дата обращения: 14.04.2025).

установлено, что в этом случае Ведомство может потребовать, чтобы в заявке указывалось название или код испрашиваемого цвета, или цветов, а также указание применительно к каждому цвету, основных частей знака, имеющих такой цвет (п. 2 Правила 3 Инструкции). Относительно объемного знака в Инструкции указывается на то, что изображение должно состоять из двухмерного графического или фотографического изображения (п. 4 Правила). Представление голографического знака должно состоять из одного или нескольких его видов, отображающих голографический эффект во всей его полноте (п. 5 Правила 3 Инструкции). Если же заявка содержит заявление о регистрации знака, относимого к изменяющимся, представление такого знака, по выбору Ведомства, должно состоять из одного или ряда неподвижных или изменяющихся изображений, показывающих движение. Если Ведомство сочтет, что представленное изображение или изображения не показывают движения, оно может потребовать представления дополнительных изображений и описания, объясняющего движение (п. 6 Правила 3 Инструкции) [4].

Относительно звукового товарного знака из п. 9 Правила 3 следует, что если заявка содержит заявление о том, что знак является звуковым, представление такого знака должно состоять, по выбору Ведомства, из нотной записи на нотном стане или описания звука, составляющего знак, или аналоговой или цифровой записи этого звука, или любой их комбинации.

Таким образом, Договор является важнейшим международным актом в сфере промышленной собственности, благодаря которому российские заявители имеют возможность подавать заявки на регистрацию различных нетрадиционных обозначений, в перечне которых нас интересуют, прежде всего, звуковые товарные знаки.

В приказе ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12 (гл. 1 раздела IV Руководства)⁵ указано, что звуковые товарные знаки используются в основном

⁵ Приказ ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по

в радиорекламе и в телевизионной рекламе. Так, в качестве звуковых товарных знаков могут регистрироваться, например, музыкальные произведения, фрагмент песни, созвучия, хорошо известные звуки и редкие звуки, встречающиеся в природе, электронные синтезированные звуки, не встречающиеся в природе. Заявляемые звуковые обозначения представляются в виде фонограммы на цифровом носителе, при этом графа «Изображение заявляемого обозначения» не заполняется. В зависимости от вида звукового обозначения длительность мелодии (музыкального произведения) не должна превышать музыкальной фразы или 10 тактов, а звука, источником которого являются живые существа или предметы, – 30 секунд.

При этом в качестве одного из примеров в руководстве упоминается регистрация № 262372, где товарный знак представляет собой мурлыканье кошки и зарегистрирован для товаров 31-го класса МКТУ «сельскохозяйственные, садовые, лесные и зерновые продукты, семена, включенные в 31-й класс МКТУ; живые животные, птицы и рыбы; корма для животных; корма для птиц; корма для рыб; солод; костные элементы туловища каракатицы; кости для собак; подстилки для животных; свежие фрукты и овощи; препараты, включенные в 31-й класс МКТУ, для использования в качестве добавок в такие корма».

Между тем в настоящее время среди зарегистрированных звуковых обозначений встречаются также и товарные знаки, в звучании которых имеется не только музыкальный фрагмент, но и сопровождение такого фрагмента голосом гражданина. Продемонстрировать сказанное можно на примере звуковых обозначений, правовая охрана которых удостоверена свидетельствами № 316671 и № 385348⁶, где в первом случае голос сопровождает мелодию без слов, а во втором голосом произносится название фармацевтической компании Hisamitsu.

государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов» // СПС «Гарант».

⁶ Открытые реестры Федерального института промышленной собственности. URL: https://www1.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet. (дата обращения: 14.04.2025).

Как соотносится в данном случае голос гражданина и звуковой товарный знак в действующем законодательстве? Имеются ли у данных объектов гражданских прав общие аспекты?

С позиции ст. 150 ГК РФ голос гражданина можно рассматривать как его фундаментальное нематериальное благо наряду с жизнью и здоровьем, достоинством личности, личной неприкосновенностью, честью и добрым именем, деловой репутацией, неприкосновенностью частной жизни и пр. благами. В доктрине сегодня им посвящено множество трудов [5; 6; 7]. Исходя из смысла ранее упомянутой ст. 2 ГК РФ нематериальные блага охраняются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ.

Названный объект, однако, является сегодня одним из наиболее уязвимых объектов, защитить который в существующих цифровых реалиях весьма непросто. Масштабность указанной проблемы возросла в несколько раз в условиях тотального технологического прогресса. Голос гражданина, в этой связи, не является исключением: так, в частности, музыкальные и голосовые имитации, созданные искусственным интеллектом, звучат сегодня отовсюду.

Не случайно на рассмотрении в Государственной Думе РФ находится Проект Федерального закона от 16.09.2024 № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»⁷, основная идея которого состоит во внедрении в часть первую ГК РФ статьи 152.3, устанавливающей охрану голоса, в том числе в случаях имитации голоса или путем синтеза речи в режиме реального времени. В случае принятия данной поправки использование голоса может стать возможным только с согласия гражданина. Как следует из пояснительной записки к данному законопроекту, голос за счет высоты, диапазона, силы, тембра и других

⁷ Проект Федерального закона от 16.09.2024 № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8?ysclid=m8scojykw149383740> (дата обращения: 14.04.2025).

особенностей является уникальной характеристикой человека, позволяющей идентифицировать его личность, а также одновременно с этим представляет собой нематериальное благо, которое заключается не только в возможности его использования в повседневной жизни, но и в профессиональной. Использование голоса может являться источником дохода человека и представлять коммерческую ценность, например, для актеров дубляжа, певцов, театральных актеров и т.д.⁸

Таким образом, если указанный законопроект будет принят, использование голоса, в том числе, в звуковом товарном знаке (как, впрочем, и в любой другой интеллектуальной собственности тоже), потребует обязательного согласия от его обладателя. Пока же оно в законе прямо не предусмотрено, следует помнить о том, что на нематериальные блага гражданина возникают абсолютные личные неимущественные права, предполагающие обязанность неограниченного круга лиц воздерживаться от любых на них посягательств. В случае нарушения названной обязанности возможно привлечение нарушителя к гражданско-правовой ответственности. Наиболее распространенная мера в этом случае – компенсация морального вреда, которая не исключает и иных способов защиты, перечисленных, прежде всего, в ст. 150 ГК РФ.

Вместе с тем представляется, что охраняемый звуковой товарный знак, сопровождаемый голосом, можно все же рассматривать как некую условную возможность косвенной, дополнительной защиты голоса, поскольку в этом случае данный уникальный идентификатор бренда никто не сможет использовать без согласия правообладателя. Однако здесь необходимо учитывать правовую природу голоса как фундаментального нематериального блага, которое, по общему правилу, является неотчуждаемым и не имеющим стоимостного выражения. Защита личного неимущественного права на голос

⁸ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8?ysclid=m8scojyuka149383740.#bh_note (дата обращения: 14.04.2025).

в случае его неправомерного использования в звуковом товарном знаке может иметь для правообладателя правовые последствия в виде привлечения к гражданско-правовой ответственности.

Именно в этом, на наш взгляд, и проявляются основные точки пересечения рассматриваемых объектов в действующем правовом поле.

Заключение

Подводя общий итог сказанному, выделим главное.

1. Звуковой товарный знак в контексте международных актов следует рассматривать с опорой на Договор. Именно данным международным актом в российское правовое поле были введены, в том числе, так называемые нетрадиционные обозначения, среди которых особое место занимают звуковые товарные знаки. В этой связи Договор является важнейшим международным договором в сфере промышленной собственности, благодаря которому российские заявители получили возможность их зарегистрировать.

2. Рассмотрение звукового товарного знака в контексте такого фундаментального нематериального блага, как голос, показало, что при рассмотрении указанного вопроса следует учитывать его нематериально-правовую природу, т.к. при регистрации звукового обозначения неправомерное использование голоса может повлечь гражданско-правовую ответственность. Вместе с тем правомерно зафиксированный в звуковом товарном знаке голос может получить дополнительную, косвенную защиту, поскольку будет являться тем самым уникальным идентификатором бренда, который никто не вправе использовать без согласия правообладателя. Специальное правовое регулирование голоса в ГК РФ, однако, в настоящее время прямо не предусмотрено и находится только на стадии рассмотрения законопроекта в Государственной Думе, в связи с чем данное нематериальное благо весьма уязвимо и, безусловно, требует особого внимания законодателя.

Список литературы

1. Мазаев Д.В. Гражданско-правовая защита прав на товарные знаки / Д.В. Мазаев. – Москва: ВАКО. – 2013. – С. 48.
2. Гаврилов Э.П. Последствия неиспользования товарного знака (комментарий к ст. 1486 ГК РФ) / Э.П. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2014. – № 11. – С. 37.
3. Гаврилов Э.П. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Э.П. Гаврилов, В.И. Еременко. – Москва: Экзамен. – 2009. – С. 819.
4. Сергеева Н.Ю. Сингапурский договор о законах по товарным знакам как один из ключевых международных актов в сфере промышленной собственности // IP: теория и практика. 2024. № 3.
5. Малеина М.Н. Личные неимущественные права: понятие, осуществление и защита / М.Н. Малеина. – Москва: Статут, 2001.
6. Дробышевская Т.В. Личные неимущественные права граждан и их гражданско-правовая защита: Монография / Т.В. Дробышевская. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 2001.
7. Толстой В.С. Личные неимущественные правоотношения / В.С. Толстой. – Москва: Элит, 2006.

References

1. Mazaev D.V. *Grazhdansko-pravovaiia zashchita prav na tovarnye znaki = Civil protection of rights to trademarks*. Moscow. VAKO Publ. 2013. P. 48 (in Russ.).
2. Gavrilov E. Consequences of non-use of a trademark (commentary to Article 1486 of the Civil Code of the Russian Federation). *Khoziaistvo i pravo = Economy and law*. 2014. No. 11. P. 37 (in Russ.).
3. *Kommentarii k chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) = Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (article by article)* / E.P. Gavrilov, V.I. Eremenko. Moscow. *Ekzamen Publ.* 2009. P. 819 (in Russ.).
4. Sergeeva N.Yu. The Singapore Treaty on the Law of Trademarks as one of the key international instruments in the field of industrial property. *IP: teoriia i praktika = IP: theory and practice*. 2024. No. 3 (in Russ.).
5. Maleina M.N. *Lichnye neimushchestvennye prava: poniatie, osushchestvlenie i zashchita = Personal non-property rights: concept, implementation and protection*. Moscow: *Statut Publ.* 2001 (in Russ.).

6. Drobyshevskaiia T.V. *Personal non-property rights: concept, implementation and protection = Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan i ikh grazhdansko-pravovaia zashchita*: Monografiia. Krasnoiarsk: Izd-vo Krasnoiar. un-ta, 2001 (in Russ.).

7. Tolstoi V.S. *Lichnye neimushchestvennye pravootnosheniia = Personal non-property legal relations*. Moscow. *Elit Publ.* 2006 (in Russ.).

Статья поступила 17.04.2025, принята к публикации: 28.05.2025.

© Сергеева Н.Ю., 2025

Научная статья

УДК 347.78.01

**Интерактивность как квалифицирующий признак
мультимедийного произведения**

Максим Олегович Зверев,

Российская государственная академия интеллектуальной
собственности

Москва, Россия

Аспирант

astrolamb4@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1183-7653>

Аннотация. В статье исследуется феномен мультимедийных произведений как нового вида творчества, ключевым дифференцирующим признаком которых выступает интерактивность, позволяющая пользователю активно влиять на развитие контента. Анализируются правовые проблемы, связанные с отсутствием четкого законодательного определения мультимедийных произведений и сложностью применения традиционных авторско-правовых механизмов к интерактивным и мультимодальным форматам. Особое внимание уделяется трансформации интерактивности в мультимодальность, что порождает новые вызовы для правового регулирования в условиях развития технологий виртуальной реальности и нейроинтерфейсов.

Ключевые слова: мультимедийное произведение, интерактивность, мультимодальность.

Для цитирования: Зверев М.О. Интерактивность как квалифицирующий признак мультимедийного произведения / М.О. Зверев // IP: теория и практика. 2025. № 2 (10).

Original article

Interactivity as a qualifying feature of a multimedia work

Maxim O. Zverev,

Russian State Academy of Intellectual Property

Moscow, Russia
astrolamb4@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1183-7653>

Abstract. The article examines the phenomenon of multimedia works as a new form of creative expression, with interactivity serving as their key distinguishing feature that enables users to actively influence content development. The study analyzes legal challenges stemming from the absence of clear legislative definitions of multimedia works and the difficulties in applying traditional copyright mechanisms to interactive and multimodal formats. Particular attention is given to the evolution from interactivity to multimodality, which creates novel regulatory challenges in the context of emerging virtual reality and neural interface technologies.

Keywords: multimedia work, interactivity, multimodality.

For citation: Zverev M.O. Interactivity as a qualifying feature of a multimedia work // IP: theory and practice. 2025. No. 2 (10).

Введение

Современные цифровые технологии трансформируют традиционные формы творчества, порождая новые виды произведений, среди которых особое место занимают мультимедийные произведения. Одним из ключевых признаков, отличающих мультимедийное произведение от классических аудиовизуальных работ, программ для ЭВМ, является интерактивность – способность пользователя влиять на контент, изменяя его параметры или сюжетное развитие.

В работе рассмотрено понятие интерактивности как квалифицирующего признака мультимедийного произведения, представлен анализ ее правовой природы, а также изучено влияние интерактивности на авторско-правовой режим мультимедийных произведений.

Методы

В процессе исследования были использованы юридико-догматический, системный, функциональный методы, методы анализа и синтеза материала.

Основное исследование

Понятие мультимедийного произведения. Мультимедийное произведение представляет собой интерактивную разновидность сложного объекта интеллектуальных прав, характеризующийся синтезом разнородных творческих элементов в единую интерактивную систему. В его состав могут входить литературные произведения (сценарии, диалоги, повествовательные структуры), произведения искусства (визуальный дизайн, анимация, графические элементы), музыкальные произведения, персонажи с уникальными характеристиками, а также программный код, обеспечивающий их взаимодействие [1].

Основным дифференцирующим признаком мультимедийных произведений по сравнению с традиционными формами творчества (литературными произведениями, аудиовизуальными произведениями) является принципиально иная организация восприятия контента – нелинейная, интерактивная и адаптивная, где последовательность и характер получаемой информации напрямую зависят от действий и решений пользователя. Это создает уникальный опыт взаимодействия, невозможный в классических медиаформатах.

Типология мультимедийных произведений включает несколько ключевых направлений:

- интерактивные развлекательные продукты (компьютерные игры с ветвящимися сюжетными линиями, системами выбора и последствий);
- обучающие системы (интерактивные симуляторы, виртуальные тренажеры, образовательные платформы с адаптивным контентом);
- цифровые арт-проекты и иммерсивные инсталляции;
- виртуальная и дополненная реальность с элементами повествования.

Возможность правового регулирования мультимедийных произведений сталкивается с существенными сложностями, обусловленными отсутствием в

законодательстве большинства стран (включая Российскую Федерацию¹) четкой юридической дефиниции данного феномена. Эта нормативная неопределенность создает значительные трудности для охраны и защиты прав на мультимедийные произведения, поскольку существующие правовые конструкции не в полной мере учитывают их комплексную природу и специфику взаимодействия составных элементов. Особую сложность представляет определение правового режима интерактивных компонентов и алгоритмов, обеспечивающих нелинейность восприятия контента.

Интерактивность как ключевой признак мультимедийного произведения. Интерактивность представляет собой фундаментальную характеристику мультимедийных произведений, выражающуюся в их способности к динамическому реагированию на действия пользователя и предоставлению ему возможностей активного влияния на развитие контента. Этот качественно новый уровень взаимодействия принципиально отличает мультимедийные произведения от традиционных форм творчества, где восприятие носит пассивный и линейный характер. В современной цифровой среде интерактивность проявляется в различных формах и степенях интенсивности, формируя спектр от относительно простых систем с ограниченным выбором до сложных открытых миров с нелинейной структурой повествования.

Эволюция интерактивных технологий привела к возникновению феномена мультимодальности – качественно нового этапа развития взаимодействия человека с цифровыми системами [2]. Мультимодальные интерфейсы интегрируют различные каналы восприятия и воздействия (аудиовизуальные, тактильные, голосовые, жестовые, биометрические) в единую адаптивную систему, способную в реальном времени анализировать

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496. См. также Постановление Правительства РФ от 12.11.2021 № 1929 «О предоставлении уполномоченной организации по исследованию объема аудитории данных для проведения исследований объема аудитории информационных ресурсов, объем аудитории которых подлежит исследованию» // СЗ РФ. 2021. № 47. Ст. 7838.

поведение пользователя и соответствующим образом модифицировать контент. Яркими примерами реализации этого подхода являются системы виртуальной и дополненной реальности (Oculus Quest, Apple Vision Pro), где взаимодействие осуществляется через комплекс жестов, взгляда и голосовых команд; нейрокомпьютерные интерфейсы (Neuralink, Emotiv) [3], декодирующие мозговую активность; а также иммерсивные инсталляции, реагирующие на физиологические показатели пользователя.

Трансформация интерактивности в мультимодальность влечет существенные изменения в природе взаимодействия пользователя с цифровым контентом:

– переход от дискретного выбора к непрерывному адаптивному взаимодействию [4]. Если традиционные интерактивные системы предлагали пользователю выбор из ограниченного набора заранее запрограммированных вариантов, то современные мультимодальные системы анализируют комплекс поведенческих реакций пользователя, создавая персонализированный опыт (например, в *Senua's Saga: Hellblade II* эмоциональное состояние персонажа динамически изменяется в зависимости от психофизиологических показателей игрока);

– преодоление границ экранного интерфейса и создание эффекта бесшовного погружения. Это достигается за счет сочетания технологий тактильной обратной связи (например, haptic-перчатки в протометавселенных), пространственного звука (Dolby Atmos в игровых приложениях) и адаптивной визуализации, создающих эффект физического присутствия в цифровой среде.

Заключение

С юридической точки зрения, интерактивность требует переосмысления традиционных подходов к охране авторских прав, поскольку пользователь перестает быть пассивным реципиентом контента, становясь активным участником творческого процесса [5]. Особую сложность представляет

правовая квалификация контента, генерируемого в результате взаимодействия пользователя с мультимодальной системой, поскольку он является продуктом совместной деятельности алгоритмов и человеческого поведения. Развитие мультимодальных технологий ставит перед правовой доктриной новые вызовы, связанные с необходимостью разработки адекватных механизмов охраны динамических, адаптивных произведений, содержание которых может существенно варьироваться в зависимости от действий и характеристик пользователя.

Список источников

1. Рожкова М.А. Понятие «компьютерная программа» (программа для ЭВМ) в российском праве (подробный комментарий к статье 1261 Гражданского кодекса) / М.А. Рожкова // Право цифровой экономики. – 2022. – № 18. – С. 10–61.
2. Белоедова А.В. Мультимодальная коммуникация в фокусе исследовательской рефлексии: проблемно-ориентированный подход / А.В. Белоедова, Е.А. Кожемякин // Критика и семиотика. – 2022. – № 2. – С. 54–70.
3. Gonfalonieri A. What Brain-Computer Interfaces Could Mean for the Future of Work. *Harvard Business Review*. 2020. No. 10.
4. Chneiweiss H. Protecting our brain power from being coveted. *The UNESCO Courier*. 2022. No. 1. P. 5–7.
5. International Bioethics Committee (IBC) Report of the International Bioethics Committee of UNESCO (IBC) on the ethical issues of neurotechnology. *SHS/BIO/IBC-28/2021/3 Rev*. 2021. P. 56.

References

1. Rozhkova M.A. The concept of "computer program" (computer program) in Russian law (detailed commentary to Article 1261 of the Civil Code). *Pravo cifrovoj ekonomiki = Law of the digital economy*. 2022. No. 18. P. 10–61.
2. Beloedova A.V., Kozhemyakin E.A. Multimodal communication in the focus of research reflection: problem-oriented approach. *Kritika i semiotika = Criticism and semiotics*. 2022. No. 2. P. 54–70.
3. Gonfalonieri A. What can brain-computer interfaces mean for the future of work? *Harvard Business Review*. 2020. No. 10.
4. Schneiweis H. We protect our intellectual abilities from encroachments. *UNESCO Courier*. 2022. No. 1. pp. 5-7.

5. Report of the International Committee on Bioethics (IBC) of the International Committee on Bioethics of UNESCO (IBC) on ethical issues of neurotechnology. SHS/BIO/IBC-28/2021/3 Rev. 2021. Page 56.

Статья поступила 29.04.2025, принята к публикации: 21.05.2025.

© Зверев М.О., 2025

Научная статья
УДК 347.77

Опыт и перспективы борьбы с патентными троллями

Арсения Игоревна Арзамасцева,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности

Москва, Россия

Магистрант

arsenia.a.i@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема патентного троллинга в российской практике защиты интеллектуальной собственности. Анализируются причины распространения данного явления, а также обосновывается его правовая природа в качестве разновидности злоупотребления правом. Рассматривается ст. 10 ГК РФ (о злоупотреблении правом) как перспективный инструмент противодействия, подчеркивается необходимость дальнейшей детализации критериев для ее применения, с учетом наличествующей положительной судебной практики. Обосновывается нецелесообразность криминализации патентного троллинга на данном этапе, что аргументируется достаточным потенциалом совершенствования гражданско-правовых механизмов для решения проблемы, не создавая рисков для добросовестных правообладателей.

Ключевые слова: патентный троллинг, интеллектуальная собственность, злоупотребление правом, защита прав, судебные иски, ГК РФ, интеллектуальные права.

Для цитирования: Арзамасцева А.И. Опыт и перспективы борьбы с патентными троллями / А.И. Арзамасцева // IP: теория и практика. 2025. № 2 (10).

Original article

Experiences and Prospects of Combating Patent Trolls

A.I. Arzamastseva,

Russian State Academy of Intellectual Property

Moscow, Russia

Master's student

arsenia.a.i@gmail.com

Abstract. This article examines the problem of patent trolling in Russian intellectual property protection practice. It analyzes the reasons for the spread of this phenomenon and substantiates its legal nature as a form of abuse of right. Particular attention is paid to the difficulties of identifying patent trolls and classifying their activities. Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation (abuse of right) is considered as a promising tool for counteraction, emphasizing the need for further detailing of criteria for its application, taking into account existing positive judicial practice, as well as drawing on international experience. The inexpediency of criminalizing patent trolling at this stage is substantiated, arguing that there is sufficient potential for improving civil law mechanisms to solve the problem without creating risks for bona fide rights holders.

Keywords: patent trolling, intellectual property, abuse of right, protection of rights, lawsuits, Civil Code of the Russian Federation, intellectual rights.

For citation: Arzamastseva A.I. Experiences and Prospects of Combating Patent Trolls // IP: theory and practice. 2025. No. 2 (10).

Введение

В контексте защиты интеллектуальной собственности одной из наиболее острых проблем является патентный троллинг. Данная практика представляет собой значительную угрозу для субъектов, осуществляющих деятельность, связанную с использованием результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, независимо от специфики отрасли [1]. Ситуация осложняется неоднородностью судебной практики в данной сфере и тем, что изменения нормативно-правовой базы Российской Федерации, вступившие в силу 29 июня 2023 г., касающиеся регистрации исключительных прав на товарные знаки физическими лицами без статуса индивидуального предпринимателя, потенциально расширяют возможности для злоупотреблений в сфере интеллектуальной собственности¹.

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 28.06.2022 № 193-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

Методы

В статье применяются методы анализа законодательства, судебной практики и доктринальных исследований, связанных с патентным троллингом. Также рассматриваются зарубежные подходы к борьбе с данным явлением, в частности, опыт США.

Основное исследование

Патентный троллинг представляет собой стратегию извлечения прибыли, основанную на приобретении патентных прав или прав на другие объекты интеллектуальной собственности (далее – ОИС) с последующим предъявлением претензий с целью получения компенсации к субъектам, их использующим. Данная стратегия эксплуатирует несовершенство законодательства, регулирующего отношения в сфере интеллектуальной собственности. Характерно, что способом получения дохода троллями часто является получение компенсации по итогам досудебного урегулирования споров с различными организациями [2]. При этом размер компенсации, получаемой в рамках этих урегулирований, как и в рамках судебных споров, часто не соответствует реальной экономической ценности соответствующего ОИС.

Противодействие патентному троллингу сопряжено со значительными трудностями, обусловленными сложностью идентификации таких субъектов, квалификации их деятельности и установления факта осуществления их деятельности. Ключевым этапом в борьбе с патентными троллями является их выявление, что предполагает определение критериев для идентификации данных субъектов. В настоящее время наиболее надежным критерием идентификации патентного тролля является доказанный факт приобретения прав на объекты интеллектуальной собственности с единственной целью извлечения прибыли посредством инициирования судебных разбирательств. Однако процедура выявления и документального подтверждения указанного критерия является ресурсоемкой, длительной и зачастую нереализуемой на

практике. Отсутствие эффективных механизмов выявления патентных троллей возлагает бремя доказывания на пострадавшую сторону, что является неэффективным и влечет за собой значительные финансовые издержки.

Сложность квалификации деятельности троллей обусловлена, в частности, их правовой природой, которую можно однозначно охарактеризовать как злоупотребление интеллектуальными правами на основании того, что цель и методы патентного троллинга противоречат целям законодательства об интеллектуальной собственности, которое направлено на стимуляцию инновационной деятельности и обеспечение эффективного распространения технологий. В свою очередь патентный троллинг направлен на получение материальной выгоды без реального использования и распространения технологий.

Обращаясь к вопросу противодействия патентным троллям, в первую очередь нужно отметить необходимость отсылки к ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)², устанавливающей возможность суда отказать в защите права в случае допущения лицом злоупотребления данным правом. Исторически суды неохотно применяли данную норму. Во-первых, влиял принцип презумпции добросовестности, который с внесением изменений в ст. 1 ГК РФ трансформировался в обязанность «добросовестно действовать». Во-вторых, привязка применения норм ст. 10 ГК РФ к решениям Федеральной антимонопольной службы о наличии в действиях злоупотребляющего лица недобросовестной конкуренции снижала эффективность применения статьи о злоупотреблении правом, ограничивая сферу ее регулирования только контекстом недобросовестной конкуренции [3], что представляется излишне узким трактованием применения данной нормы.

Тем не менее, на текущий момент существует достаточная практика признания действий троллей злоупотреблением правом. В частности, дело №

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

A33-4702/2018, инициированное относительно нарушения прав на знак обслуживания «Командор»³, и дело № А11-417/2019 по поводу товарного знака «Планета»⁴ иллюстрируют отказ в удовлетворении исковых требований на основании установления факта недобросовестного поведения истца, указывая на возможность эффективного применения ст. 10 ГК РФ. Суды аргументируют: данное поведение выражается в приобретении прав на объекты интеллектуальной собственности с доминирующей целью предъявления исков о нарушении исключительных прав, при отсутствии фактического экономического интереса и использования соответствующего объекта в хозяйственной деятельности. При этом существенным фактором, влияющим на квалификацию действий как злоупотребление правом, является несоразмерность предъявляемых требований о размере компенсации масштабам деятельности ответчика и установление практики аналогичных недобросовестных действий со стороны истца в иных судебных процессах.

Однако, несмотря на наметившуюся позитивную тенденцию, анализ судебных решений позволил выявить отсутствие единообразной практики применения указанной нормы. Прецедент с товарным знаком «Планета», до пересмотра решения Верховным Судом Российской Федерации, демонстрирует возможность иной интерпретации обстоятельств дела и, как следствие, противоположного решения суда – в пользу патентного тролля. Первоначально решение Суда по интеллектуальным правам, которое впоследствии было отменено, указывает на наличие разногласий в методологии сравнения обозначений, применении норм материального и процессуального права, а также в оценке обоснованности выводов о наличии в действиях истца злоупотребления правом. То, что данное решение впоследствии было отменено, указывает, бесспорно, на позитивную тенденцию, однако необходимо учитывать также и факт прохождения делом

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.08.2021 по делу № А33-4702/2018: Банк решений арбитражных судов: Официальный интернет-портал. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.04.2025).

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 30.06.2023 № 301-ЭС23-2808 по делу № А11-417/2019: Банк решений арбитражных судов: Официальный интернет-портал. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.04.2025).

множества инстанций до достижения эффективного выявления и противодействия патентному троллингу.

Таким образом, сложившаяся судебная практика свидетельствует о формировании подхода к противодействию патентному троллингу, также называемому в рамках троллинга в сфере товарных знаков «неймсквоттингом» [4], посредством применения положений о злоупотреблении правом. Вместе с тем сохраняющиеся противоречия в судебных решениях подчеркивают необходимость дальнейшей детализации критериев, позволяющих однозначно квалифицировать действия недобросовестных правообладателей как злоупотребление правом в сфере интеллектуальной собственности, с целью обеспечения предсказуемости и единообразия правоприменительной практики. Так или иначе, применение нормы ст. 10 ГК РФ представляется наиболее перспективной в рамках борьбы с троллингом, и наиболее отвечающей правовой сущности троллинга как явления.

В то же время криминализация патентного троллинга на текущий момент не представляется целесообразной. Несмотря на констатацию недостаточного охвата деяний, квалифицируемых как троллинг, диспозициями существующих статей УК РФ, охраняющих интеллектуальную собственность (ст. 146, 147, 180), уголовно-правовое вмешательство в данную сферу не является оправданным по следующим основаниям.

Патентный троллинг представляет собой злоупотребление правом, детерминированное выходом за пределы осуществления гражданских прав и формой реализации субъективных прав. Реакция на данное недобросовестное поведение уже предусмотрена ст. 10 ГК РФ, предоставляющей суду право отказать в защите злоупотребляющему лицу, а также – право потерпевшей стороне требовать возмещения убытков. Криминализация деяний, квалифицируемых как патентный троллинг, создаст неоправданную правовую неопределенность, обусловленную оценочным характером дифференциации между злоупотреблением правом и добросовестным его осуществлением. Представляется, что существующие гражданско-правовые механизмы, при их

доработке и формировании релевантной судебной практики, обладают достаточным потенциалом для нивелирования негативных последствий троллинга без применения мер уголовно-правового характера.

Существует также риск избыточного ограничения деятельности по защите интеллектуальных прав и создания прецедентов необоснованного привлечения к ответственности добросовестных правообладателей.

Возможность применения к деяниям, квалифицируемым как троллинг, ст. 165 УК РФ (причинение ущерба при отсутствии признаков хищения) и 159 УК РФ (мошенничество) допустима лишь в случае отсутствия у субъекта декларируемого исключительного или иного права, легитимирующего обращение с соответствующими требованиями к оппоненту. Квалификация указанных действий по вышеупомянутым статьям в иных случаях будет означать отнесение злоупотребления правом, представляющего собой превышение пределов осуществления, принадлежащего субъекту права, к сфере уголовно-правового регулирования, что нарушит баланс между свободой экономической деятельности и защитой общественных интересов. Представляется, что оптимальным подходом является совершенствование гражданско-правовых механизмов защиты, а не расширение сферы уголовно-правового вмешательства.

Заключение

Таким образом, анализ проблемы патентного троллинга выявляет ее актуальность в современной российской правовой системе, обусловленную пробелами в законодательстве и новыми возможностями, созданными законодательными изменениями, такими как допущение физических лиц к регистрации товарных знаков. Несмотря на существующие попытки определения признаков патентного троллинга, его выявление остается затруднительным ввиду отсутствия однозначных и верифицируемых критериев, что усложняет квалификацию действий правообладателей и препятствует эффективному противодействию.

Патентный троллинг, характеризующийся извлечением материальной выгоды без намерения использования и распространения технологий, следует квалифицировать как злоупотребление интеллектуальными правами, поскольку данная деятельность несовместима с фундаментальными целями законодательства в сфере интеллектуальной собственности, а именно – содействием инновациям и обеспечением широкого доступа к технологиям.

С учетом вышесказанного, перспективным направлением борьбы с патентным троллингом является применение ст. 10 ГК РФ о злоупотреблении правом. Однако для обеспечения единообразия правоприменительной практики требуется дальнейшая детализация критериев квалификации действий в качестве злоупотребления правом. В то же время криминализация патентного троллинга представляется нецелесообразной и преждевременной, поскольку существующие гражданско-правовые механизмы, при условии их доработки и формирования последовательной судебной практики, обладают достаточным потенциалом для нивелирования негативных последствий, не создавая при этом рисков необоснованного ограничения деятельности добросовестных правообладателей.

Список источников

1. Шуртаков К.В. «Патентные тролли»: анализ зарубежной и российской практики / К.В. Шуртаков // Экономика науки. – 2016. – № 2(4). – С. 293–303. URL: https://ecna.elpub.ru/jour/article/view/75?locale=ru_RU (дата обращения: 26.11.2024).
2. Барабашев А.Г. Патентный троллинг и правовое регулирование искусственного интеллекта (на примере опыта Соединенных Штатов Америки) / А.Г. Барабашев, Д.В. Пономарева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2021. – №1 – С. 77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patentnyy-trolling-i-pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-na-primere-opyta-soedinennyh-shtatov-ameriki> (дата обращения: 27.11.2024).
3. Кушнарера Е. Принцип добросовестности – эффективное оружие в борьбе с «патентными троллями» / Е. Кушнарера // Экономика и жизнь. 2014.

№ 37. URL: <https://www.eg-online.ru/article/257679/> (дата обращения: 27.11.2024).

4. Дубок А.А. Патентные тролли: сайт патентного бюро «Первоисток» / А.А. Дубок. URL: <https://xn--b1afkisbcjmk.xn--p1ai/patentnye-trolli> (дата обращения: 17.02.2025).

References

1. Shurtakov K.V. "Patent Trolls": Analysis of Foreign and Russian Practices. *Ekonomika nauki = Economics of Science*. 2016. No. 2 (4). P. 293–303. URL: https://ecna.elpub.ru/jour/article/view/75?locale=ru_RU (date of access: 26.11.2024) (In Russ.).

2. Barabashev A.G., Ponomareva D.V. Patent Trolling and Legal Regulation of Artificial Intelligence (Based on the Experience of the United States of America). *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Kutafin University Law Review*. 2021. No. 1 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patentnyy-trolling-i-pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-na-primere-opyta-soedinennyh-shtatov-ameriki> (date of access: 27.11.2024) (In Russ.).

3. Kushnareva E. The Principle of Good Faith as an Effective Weapon in the Fight against "Patent Trolls". *Ekonomika i zhizn' = Economy and life*. URL: <https://www.eg-online.ru/article/257679/> (date of access: 27.11.2024) (In Russ.).

4. Dubok A.A. Patent Trolls. Patent Bureau Pervoistok. URL: <https://xn--b1afkisbcjmk.xn--p1ai/patentnye-trolli> (date of access: 17.02.2025) (In Russ.).

Статья поступила 17.04.2025, принята к публикации: 22.05.2025.

© Арзамасцева А.И., 2025

Научная статья

УДК 347.78

**Сравнительно-правовой анализ защиты авторских и смежных прав
в России и ОАЭ**

Павел Николаевич Степанов,
Российская государственная академия интеллектуальной
собственности,
Москва, Россия
Магистрант
pavel.780@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0008-9967-4764>

Аннотация. В статье представлен сравнительно-правовой анализ механизмов защиты авторских и смежных прав в Российской Федерации и Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), с акцентом на особенности их национальных правовых систем и имплементацию международных норм. Автор отмечает стратегическое значение интеллектуальной собственности в условиях глобализации и роль стран БРИКС, включая ОАЭ, в формировании современных механизмов правовой защиты. Рассматриваются конституционные основы, особенности трактовки понятия «автор». Особое внимание уделено различиям судебных и досудебных способов защиты, роли административных органов, а также основаниям для привлечения к уголовной ответственности. Установлено, что, несмотря на культурно-правовые различия, обе правовые системы демонстрируют стремление к гармонизации законодательства в соответствии с международными стандартами. В статье термин «защита» рассматривается в широком смысле, охватывающем не только реакцию на совершенные нарушения, но и превентивные механизмы, направленные на предотвращение потенциальных нарушений.

Ключевые слова: авторское право, смежные права, защита авторских и смежных прав, Россия, ОАЭ.

Для цитирования: Степанов П.Н. Сравнительно-правовой анализ защиты авторских и смежных прав в России и ОАЭ / П.Н. Степанов // IP: теория и практика. 2025. № 2 (10).

Original article

Comparative legal analysis of the protection of copyright and neighboring rights in Russia and the UAE

Pavel N. Stepanov,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Master's student

pavel.780@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0008-9967-4764>

Abstract. The article presents a comparative legal analysis of copyright and neighboring rights protection mechanisms in the Russian Federation and the United Arab Emirates (UAE), with an emphasis on the specifics of their national legal systems and the implementation of international norms. The author notes the strategic importance of intellectual property in the context of globalization and the role of the BRICS countries, including the UAE, in the formation of modern legal protection mechanisms. The constitutional foundations, the peculiarities of the interpretation of concepts such as "author". Special attention is paid to the differences in judicial and pre-trial methods of protection, the role of administrative authorities, as well as the grounds for criminal liability for violations. It has been established that, despite cultural and legal differences, both legal systems demonstrate a desire to harmonize legislation in accordance with international standards. In the article, the term "protection" is considered in a broad sense, covering not only the reaction to violations committed, but also preventive mechanisms aimed at preventing potential violations.

Keywords: copyright, neighboring rights, protection of copyright and neighboring rights, Russia, UAE.

For citation: Stepanov P.N. Comparative legal analysis of the protection of copyright and neighboring rights in Russia and the UAE // IP: theory and practice. 2025. No. 2 (10).

Введение

В условиях глобализации экономики и усиления роли интеллектуальной собственности как одного из ключевых активов национальных инновационных систем вопросы защиты авторских и смежных прав приобретают стратегическое значение. Особую актуальность эта тема получает в контексте расширения сотрудничества стран БРИКС, в состав которого с 2024 г. входят Объединенные Арабские Эмираты (далее – ОАЭ) –

страна с динамично развивающейся экономикой в сфере технологий и креативных индустрий. Сравнительный анализ правовых механизмов защиты авторских и смежных прав в России и ОАЭ не только раскрывает национальные особенности правовой защиты творческих результатов деятельности человека, но и способствует выработке общих подходов в рамках БРИКС, где гармонизация норм национальных систем законодательства становится инструментом укрепления экономической кооперации.

Методы

В ходе исследования были использованы сравнительно-правовой метод и метод анализа.

Основное исследование

Ключевой основой, определяющей правовую систему любого государства, является его конституция. Конституция Российской Федерации¹ провозглашает страну светским государством, в котором религия отделена от государства и не может оказывать прямого влияния на законодательную систему. В отличие от России, ст. 7 Конституции ОАЭ закрепляет ислам в качестве государственной религии, а шариат – в качестве основного источника законодательства².

Однако на практике нормы шариата в основном регулируют вопросы правового статуса личности и отдельные особенности уголовных и процессуальных отношений. В сфере интеллектуальной собственности превалируют светские нормы, что обосновывается стремлением ОАЭ укрепить свой статус как международного делового центра. Законы шариата

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 №1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 03.07.2020, № 31, ст. 4412.

² Конституция Объединенных Арабских Эмиратов. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/constitution> (дата обращения: 10.04.2025).

не отвечают потребностям все более усложняющейся экономики, в том числе в сфере интеллектуальной собственности, и это вызывает критику его функциональности как жизнеспособного режима [1].

Россия и ОАЭ являются федеративными государствами. В обеих странах конституционные нормы формализуют принцип централизации правового регулирования объектов интеллектуальной собственности, отнесенного к исключительной компетенции федерального центра. Соответственно, регулирование в данной сфере осуществляется на уровне центральных федеральных органов власти, а не отдельных субъектов федерации.

Нормы международного права составляют неотъемлемую часть правовых систем данных государств. Россия и ОАЭ, будучи участниками международных соглашений в области охраны авторских и смежных прав, демонстрируют схожие подходы в соблюдении международных стандартов, имплементированных в национальное законодательство. Однако имплементация этих норм имеет существенные различия.

В России институты интеллектуальной собственности кодифицированы в рамках четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ), где закреплено, что охрана авторских и смежных прав возникает с момента создания произведения (ст. 1259, 1304 ГК РФ).

Федеральный закон ОАЭ от 1985 г. № 5 «О Законе о гражданских сделках Объединенных Арабских Эмиратов»⁴ (далее – Гражданский кодекс ОАЭ) не регулирует отношения, возникающие в связи с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности, однако ст. 111 данного закона содержит отсылочные нормы к специальным законам, регулирующим эту сферу.

Основополагающим законодательным актом, определяющим порядок регулирования авторских и смежных прав, является Федеральный указ-закон

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон ОАЭ от 1985 г. № 5 «О Законе о гражданских сделках Объединенных Арабских Эмиратов». URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1025/download> (дата обращения: 12.04.2025)

от 2021 г. № 38 «Об авторском праве и смежных правах»⁵ (далее – Указ-закон № 38), который был принят в рамках реформирования законодательства об интеллектуальной собственности в 2021 г. Одной из предпосылок изменений в законодательстве являлось включение в 2018 г. Соединенными Штатами Америки ОАЭ в ежегодный Специальный отчет № 301, с указанием на недостатки в обеспечении должной защиты и соблюдении интеллектуальных прав.

В отличие от России, в ОАЭ возможна регистрация прав не только на программы для ЭВМ и базы данных, но и на обычные произведения. Регистрация права является добровольной, но, тем не менее, она дает дополнительные преимущества в случае нарушения, в частности, наличие записи в реестре позволяет не доказывать наличие права, упрощая процесс его защиты. Таким образом, регистрация прав представляет собой превентивный инструмент, обеспечивающий более оперативное и эффективное применение защитных процедур.

Практический интерес представляет и само определение понятия «автор». Понимание того, кто может быть признан автором произведения, имеет непосредственное значение для построения эффективного механизма правовой защиты. Лицо, не обладающее статусом автора, не может реализовать закрепленные за ним исключительные или личные неимущественные права и, соответственно, не обладает легитимным доступом к механизмам защиты этих прав.

Согласно российскому законодательству, автором признается исключительно физическое лицо, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности. В соответствии с положениями Указа-закона № 38 автором признается лицо, создавшее произведение, чье имя обозначено на нем или которому произведение приписывается как владельцу, если не установлено обратного. Также автором может быть признан и тот, кто

⁵ Федеральный указ-закон ОАЭ от 2021 г. № 38 «Об авторском праве и смежных правах». URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1534> (дата обращения: 16.04.2025).

опубликовал произведение анонимно или под псевдонимом, если не возникает сомнений в его подлинной идентичности.

В законодательстве ОАЭ, как и в российской правовой системе, подлежащие охране и защите интеллектуальные права подразделяются на исключительные (имущественные) права и личные неимущественные. При этом современная система защиты указанных прав представляет собой комплексный механизм, нацеленный на удовлетворение потребностей инновационной экономики. В условиях стремительной цифровизации и роста международной торговли эффективная защита стала ключевым фактором сохранения конкурентных преимуществ государств. Арабские ученые Аль-Марзуки и Араби провели сравнительное исследование стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в который входят ОАЭ, и выяснили, что усиленная защита интеллектуальной собственности оказывает положительное воздействие на экономические показатели [2].

Как известно, порядок защиты включает как юрисдикционные, так и неюрисдикционные формы. Юрисдикционная форма защиты предполагает обращение авторов в государственные органы для разрешения споров и пресечения нарушений.

В законодательстве ОАЭ, в отличие от России, не предусмотрен столь детализированный перечень способов защиты интеллектуальных прав. Вместо этого применяется более гибкий подход, основанный на общих принципах гражданского и административного права, а также на соответствующих положениях международных соглашений. Юрисдикционная форма защиты в ОАЭ реализуется посредством обращения в суды и административные органы, например, в Министерство экономики, наделенное полномочиями по пресечению нарушений интеллектуальных прав и применению санкций.

В законодательстве ОАЭ и России закреплены правовые инструменты судебного характера, обеспечивающие защиту как исключительных, так и личных неимущественных прав авторов, где ключевым механизмом

выступает подача искового заявления с требованиями о пресечении противоправной деятельности, возмещении ущерба или компенсации морального вреда. При этом гражданско-правовые нормы обеих юрисдикций нацелены на возмещение финансовых потерь правообладателей, вызванных нарушением их монопольных прав.

Применение судебной защиты основывается на универсальном правовом принципе римского права: *nemo debet ex aliceno damno lucrari* – никто не должен извлекать выгоду из ущерба, понесенного другим. В контексте защиты авторских и смежных прав данный принцип реализуется через обязанность нарушителя устранить последствия правонарушения, прекратить незаконное использование произведения, а также компенсировать причиненные убытки. Таким образом, судебная защита является ключевым механизмом обеспечения соблюдения авторских и смежных прав, которая строится на общепризнанных правовых принципах ответственности и справедливости.

Дополнительно следует отметить, что в ОАЭ активно используются досудебные механизмы, в том числе привлечение специально уполномоченных лиц из Министерства экономики для фиксации фактов нарушения до подачи иска. Кроме того, в обеих странах существует практика предварительных обеспечительных мер и конфискации контрафактной продукции до окончания разбирательства.

Уместно отметить, что защита авторских и смежных прав реализуется и с использованием мер уголовно-правового характера. Уголовная ответственность за нарушение вышеуказанных прав, предусмотренная ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ возникает при условии причинения крупного ущерба [3], размер которого определяется судом с учетом обстоятельств каждого дела индивидуально.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Уголовное законодательство ОАЭ закрепляет более строгий подход, согласно которому наступление уголовной ответственности возможно в случае любого нарушения авторских или смежных прав, вне зависимости от размера причиненного ущерба. Установление уголовной ответственности даже за формальные нарушения отражает стремление ОАЭ к обеспечению эффективного и неотвратимого преследования нарушений в данной сфере, тем самым стимулируя соблюдение норм права всеми субъектами правоотношений.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлены как сходства, так и принципиальные различия в правовом регулировании отношений, касающихся авторских и смежных прав в ОАЭ и Российской Федерации. Обе страны демонстрируют высокую степень приверженности международным стандартам в сфере защиты интеллектуальной собственности, при этом адаптируя их к особенностям своих правовых систем.

Установлено, что в правовой системе ОАЭ допускается более широкая трактовка понятия «автор», также выявлены различия в механизмах судебной и досудебной защиты, роль административных органов в защите прав, а также основания привлечения к уголовной ответственности в случае нарушения авторских и смежных прав.

Список источников

1. Azmi, Ida Madieha bt. Abdul Ghani. "Basis for the Recognition of Intellectual Property in Light of the Shari'ah." *IC: International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 1996. 27.5. P. 649–674. DOI: 10.1016/j.heliyon.2022.e11309.
2. Al-Marzouqi AH, Arabi AA. Research performance of the GCC countries: A comparative analysis of quantity and quality. *Heliyon*. 2022 Oct 29;8(11):e11309. DOI: 10.1016/j.heliyon.2022.e11309.
3. Золотов А.И. Актуальные проблемы реализации уголовно-правовой защиты авторских и смежных прав: новое время авторства / А.И.

Золотов, Л.В. Столбина // Вестник БелЮИ МВД России. – 2018. – № 1. – С. 21–25.

References

1. Azmi, Ida Madieha bt. Abdul Ghani. "Basis for the Recognition of Intellectual Property in Light of the Shari'ah." *IIC: International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 1996. No. 27.5. P. 649–674. DOI: 10.1016/j.heliyon.2022.e11309
2. Al-Marzouqi AH, Arabi AA. Research performance of the GCC countries: A comparative analysis of quantity and quality. *Heliyon*. 2022 Oct 29;8(11):e11309. DOI: 10.1016/j.heliyon.2022.e11309.
3. Zolotov A.I. Stolbina L.V. Actual problems of the implementation of criminal law protection of copyright and related rights: a new time of authorship. *Vestnik BelUI MVD Rossii = Bulletin of the BelUI MIA of Russia*. 2018. No. 1. P. 21–25 (in Russ.).

Статья поступила 20.05.2025, принята к публикации: 28.05.2025.

© Степанов П.Н., 2025
